

ДЕМОГРАФИЯ И СОЦИОЛОГИЯ

Оригинальная статья/Түпнұсқа мақала/Research paper

DOI: https://doi.org/10.51885/3107-2755_SSADH_2026_2_10

MPNТИ: 04.51.23

Илеуова Г.Т. , **Симакова О.А.** *

Общественный фонд «Центр социальных и политических исследований «Стратегия», г.Алматы, Казахстан

Русские в Казахстане: между диаспоральностью и гражданственностью

АННОТАЦИЯ. Казахстанский специалист в области диаспорологии Г.Н.Ким указывал что «тематика, связанная с проблемой этнических диаспор, становится все более актуальной для отечественной науки, ибо судьбы разделенных и разбросанных волей обстоятельств народов во многом зависят от того, как будут складываться отношения в новых условиях между представителями национальной диаспоры и титульным населением». И в этой связи возникает вопрос, а кто такие русские в Казахстане: «навязанная диаспора» или часть казахстанского народа? И каково самочувствие русских в Казахстане: смогли ли они приобрести казахстанскую идентификацию или чувствуют себя «российской диаспорой»?

Русские были и остаются вторым по численности этносом в Казахстане. Но смена русским этносом статуса в независимом Казахстане в начале 1990-х годов, а также планомерное снижение его доли в структуре населения сегодня, оставляет вопрос о самоощущении русских в стране актуальным.

В статье на основе кабинетного анализа и анализа результатов социологических исследований авторы пытаются определить, как интегрировались русские в процессе формирования «казахстанской нации» и приобретение ими казахстанской идентичности. И результаты исследований показывают, что в идентификационной матрице русских базовыми маркерами являлись поколение/возраст, локальность (житель своего города/села) и гражданственность, каждый четвертый в той или иной мере владеет казахским языком, русские хорошо представлены в общественном и гражданском секторах общества и демонстрируют умеренную электорально-политическую активность. Миграция русских из Казахстана сократилась в 8 раз.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: русские, гражданская нация, диаспора, социальное самочувствие, идентификация

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ: Авторы заявляют, что исследование проводилось в отсутствие каких-либо коммерческих или финансовых связей, которые могли бы быть истолкованы как потенциальный конфликт интересов.

ФИНАНСИРОВАНИЕ И БЛАГОДАРНОСТИ: Данная статья подготовлена для выступления на XXIV Международной научно-практической конференции «Этнодемографические процессы в Казахстане и сопредельных территориях», Усть-Каменогорск, Казахстан, 20 октября 2025 года. Авторы благодарят организаторов Конференции за возможность поделиться результатами исследования с коллегами. Исследование не имело спонсорской поддержки (собственные ресурсы).

УВЕДОМЛЕНИЕ ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ТЕХНОЛОГИЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА: Автор(ы) заявляют, что при подготовке данной рукописи технологии генеративного искусственного интеллекта использованы не были.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Илеуова, Г.Т., Симакова, О.А. (2026). Русские в Казахстане: между диаспоральностью и гражданственностью. *Social Sciences & Digital Humanities*, 2(2), 155-184. https://doi.org/10.51885/3107-2755_SSADH_2026_2_10

История статьи:

Получено: 18.03.2026

Принято: 03.06.2026

Опубликовано: 30.06.2026

* Автор-корреспондент: Симакова Ольга Александровна, e-mail: olga@ofstrategy.kz

Илеуова Г.Т. , Симакова О.С.*

«Стратегия» әлеуметтік және саяси зерттеулер орталығы» Қоғамдық Қоры, Алматы қ., Қазақстан

Қазақстандағы орыстар: диаспора мен азаматтылық арасында

АННОТАЦИЯ. Диаспоратану саласындағы Қазақстан маманы Г.Н.Ким «этникалық диаспоралар мәселесіне қатысты тақырыптың отандық ғылым үшін күн өткен сайын өзектілігі артып отыр, өйткені тағдыр тәлкегімен бөлініп, жан-жаққа тарыдай шашылған халықтардың болашағы көбіне ұлттық диаспора өкілдері мен титулды ұлт арасындағы қарым-қатынастың жаңа жағдайда қалай қалыптасатынына байланысты» деп атап көрсеткен еді. Осыған орай Қазақстандағы орыстар кім: «еріксіз диаспора» ма, әлде Қазақстан халқының бір бөлігі ме? Қазақстандағы орыстардың көңіл-күйі қандай: олар қазақстандық бірегейлікті қабылдай алды ма әлде өздерін «ресейлік диаспора» санай ма? деген сұрақ туындайды.

Орыстар Қазақстандағы саны жағынан екінші этнос болды және солай болып қала береді. Алайда 1990 жылдардың басында тәуелсіз Қазақстанда орыс этносының мәртебесі өзгеруі, сондай-ақ оның халық құрамындағы үлесінің бүгінгі таңда жоспарлы түрде азаюы елдегі орыстардың өзіндік сезіміне қатысты мәселенің өзектілігін жоймай отыр.

Мақалада авторлар кабинеттік талдау мен әлеуметтік зерттеулердің нәтижелерін сараптау негізінде «қазақстандық ұлтты» қалыптастыру үдерісінде орыстардың қалай кіріккенін және олардың қазақстандық бірегейлікке ие болуын анықтауға тырысады. Зерттеу нәтижелері көрсеткендей, орыстардың бірегейлік матрицасында негізгі маркерлер буын/жас, жергілікті (өз қаласының/ауылының тұрғыны) және азаматтық болды. Әрбір төртінші орыс қазақ тілін азды-көпті меңгерген, олар қоғамның қоғамдық және азаматтық секторларында жақсы танылған және орташа деңгейде электоралдық-саяси белсенділік танытады. Орыстардың Қазақстаннан көшіп кетуі 8 есеге азайған.

ТҮЙІН СӨЗДЕР: орыстар, азаматтық ұлт, диаспора, әлеуметтік көңіл-күй, сәйкестендіру

МҮДДЕЛЕР ҚАҚТЫҒЫСЫ: Авторлар зерттеудің ықтимал мүдделер қақтығысы ретінде түсіндірілуі мүмкін коммерциялық немесе қаржылық қатынастар болмаған жағдайда жүргізілгенін мәлімдейді.

ҚАРЖЫЛАНДЫРУ ЖӘНЕ АЛҒЫС: Бұл мақала 2025 жылғы 20 қазанда Өскемен қаласында (Қазақстан) өтетін «Қазақстандағы және іргелес аумақтардағы этнодемографиялық процестер» атты XXIV Халықаралық ғылыми-тәжірибелік конференцияда баяндама жасау үшін дайындалды. Авторлар зерттеу нәтижелерімен әріптестерімен бөлісуге мүмкіндік бергені үшін конференцияны ұйымдастырушыларға алғыс білдіреді.

ЖАСАНДЫ ИНТЕЛЛЕКТ ТЕХНОЛОГИЯЛАРЫН ПАЙДАЛАНУ ТУРАЛЫ ХАБАРЛАМА: Автор (лар) осы қолжазбаны дайындау барысында генеративті жасанды интеллект технологияларының қолданылмағанын мәлімдейді.

ДӘЙЕКСӨЗ ҮШІН: Илеуова, Г.Т., Симакова, О.А. (2026). Қазақстандағы орыстар: диаспоралық пен азаматтық арасында. *Social Sciences & Digital Humanities*, 2(2), 155-184. https://doi.org/10.51885/3107-2755_SSADH_2026_2_10

* Хат-хабаршы авторы: Симакова Ольга Александровна, e-mail: olga@ofstrategy.kz

Gulmira T. Ileuova , Olga A. Simakova*

Public Foundation "Center for Social and Political Research "Strategia", Almaty, Kazakhstan

Russians in Kazakhstan: in-between diasporic identity and citizenship

ABSTRACT. Kazakhstani specialist in the field of diaspora studies G.Kim pointed out that “issues related to ethnic diasporas are becoming increasingly relevant for domestic science, because the fate of peoples separated and scattered by circumstances largely depends on how relations between representatives of the national diaspora and the titular population develop under new conditions.” The question arises: who are the Russians in Kazakhstan—an “imposed diaspora” or part of the Kazakhstani people? And how do Russians feel in Kazakhstan: have they been able to acquire a Kazakhstani identity or do they feel like a “russian diaspora”?

Russians were and remain the second largest ethnic group in Kazakhstan. However, the change in the status of the russian ethnic group in independent Kazakhstan in the early 1990s, as well as the systematic decline in its share of the population today, raises the question of how Russians feel about themselves in the country.

In this article, based on desk research and analysis of sociological studies, the authors attempt to determine how Russians integrated into the process of forming the “Kazakhstani nation” and acquired a Kazakhstani identity. The results of the research show that the basic markers of the identification matrix of Russians is generation/age, locality (resident of their city/village) and civil nation; one in four speaks Kazakh to some extent; Russians are well represented in the public and civil sectors of society and demonstrate moderate electoral and political activity. Migration of Russians from Kazakhstan has decreased eightfold.

KEYWORDS: Russians, civic nation, diaspora, social well-being, identification

CONFLICT OF INTEREST: The authors declare that the research was conducted without any commercial or financial ties that could be interpreted as a potential conflict of interest.

ACKNOWLEDGEMENTS AND FUNDING: This article was prepared for presentation at the XXIV International Scientific and Practical Conference ‘Ethnodemographic Processes in Kazakhstan and Adjacent Territories,’ held in Ust-Kamenogorsk, Kazakhstan, on October 20, 2025. The authors express their gratitude to the conference organizers for the opportunity to share the results of their research with colleagues. The study received no financial support (funded by the authors' own resources).

DISCLOSURE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE USE: The author(s) declared that no generative artificial intelligence technologies were used during the preparation of this manuscript.

FOR CITATION: Ileuova, G.T., Simakova, O.A. (2026). Russians in Kazakhstan: in-between diasporic identity and citizenship. *Social Sciences & Digital Humanities*, 2(2), 155-184. https://doi.org/10.51885/3107-2755_SSADH_2026_2_10

* Corresponding author: Olga A. Simakova, e-mail: olga@ofstrategy.kz

ВВЕДЕНИЕ

По итогам переписи 2021 г. в Казахстане проживают представители 124 этносов («Итоги Национальной переписи населения 2021 года», 2023). Большая их часть оказалась здесь вследствие «переселенческой» политики Российской империи, сталинских репрессий и депортации времен Второй мировой войны, масштабных экономических программ времен СССР.

На начало 2025 г. русские в Казахстане – вторая после казахов этническая группа, составляющая около 14,6%, что соответствует примерно 2,96 миллиона человек («Численность населения РК по отдельным этносам и возрастным группам», 2025). Появление русских в Казахстане началось в XVIII веке с момента присоединения к Российской империи территории Младшего жуза (1731 г.). Е.Р.Морозова (2019) выделяет пять этапов «формирования *российской* диаспоры в Казахстане: первый этап: XVIII – середина XIX вв.; второй этап: 1861 г. – конец XIX в.; третий этап: начало XX в. – 1916 г.; четвертый этап: 1917–1991 гг.; пятый этап: с 1991 г. по настоящее время». И далее она отмечает, что российская диаспора формировалась «в результате двух вещей – миграции (как вынужденной (репрессии, войны), так и добровольной) и вследствие распада СССР. Однако, если в результате первой, число переселенцев увеличивалось от года к году, то вторая, напротив, поспособствовала оттоку этнических русских с казахских земель».

Так, все-таки, кто такие русские в Казахстане? Часть казахстанского народа, составлявшая в 1991 году почти 40% его численности? Или русская или даже российская диаспора, для молодежи которой «все в большей мере Россия становится понятием географическим» (Лобанов, 2005)?

В целом надо отметить, что наше обращение к теме русских в Казахстане вызвана ее актуальностью в контексте различий трактовки понятия «диаспора», зачастую применяемого в отношении русских, а также тем, как указывал известный казахстанский специалист в области диаспорологии Г.Н. Ким, что «тематика, связанная с проблемой этнических диаспор, становится все более актуальной для отечественной науки, ибо судьбы разделенных и разбросанных волей обстоятельств народов во многом зависят от того, как будут складываться отношения в новых условиях между представителями национальной диаспоры и титульным населением» («Диаспоры Казахстана: единство в многообразии», 2017).

Безусловно, сложность и многоаспектность понятия «диаспора» не позволит нам в полной мере дать ответ на вопрос о том, кто такие русские в Казахстане, но мы попытаемся на основе данных социологических исследований, которые Фонд проводил в течение последних 20 лет, описать современное состояние этой этнической группы, социальные (оптимизм, оценка перспектив, удовлетворенность жизнью, оценка материального положения и др.) и идентификационные маркеры, ее характеризующие. И предполагаем, что полученные описания позволят составить портрет крупнейшего этноса страны, и определить некоторые тенденции, согласно которым он будет развиваться в будущем.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ОБЗОР

Прежде чем перейти к непосредственному описанию демографических и социологических показателей, несколько замечаний предваряющего характера по поводу термина «диаспора». Анализ литературы позволяет выделить подходы к описанию положения русских в Казахстане, условно их можно определить как казахстанский взгляд (два подхода) и российский взгляд (два подхода).

Казахстанский взгляд на основе гражданского подхода говорит о том, что казахи и русские, как и представители всех этносов, проживающих в стране, принадлежат к единой политической общности «граждане Казахстана». Этот подход получил свое закрепление в преамбуле Конституции республики 1995 г., статьях Раздела II «Человек и гражданин» (Республика Казахстан, 1995). В последующем он получил свое развитие и в других документах государства, касающихся межэтнических отношений и выработки новых подходов к интеграции казахстанского полиэтнического общества. Можно упомянуть в этой связи

«Доктрину национального единства Казахстана» (апрель 2010 г.), две «Концепции развития Ассамблеи народа Казахстана», включая Концепцию на период с 2022 по 2026 год (Республика Казахстан, 2022). Интересно, что понятие «диаспора» использовалось в указанных документах в двух случаях – в отношении казахской диаспоры за рубежом (Республика Казахстан, 2010), и среди внешних факторов, влияющих на состояние межэтнических отношений в стране, при описании «диаспоральной политики зарубежных государств» («Концепция развития АНК (до 2020 г.); утратила силу в декабре 2015 г.).

Таким образом можно утверждать, что на протяжении трех десятилетий после принятия в 1995 г. Конституции РК имеет место последовательная политика в определении граждан страны – представители различных этнических групп, принадлежащие к единой политической общности. В подтверждение вышесказанного приведем позицию президента К.Токаева, которую он озвучил в интервью одному из российских изданий: «Недавно в одном из зарубежных аналитических материалов я наткнулся на формулировку «русская диаспора в Казахстане». Предупредил наших идеологов и аналитиков ни в коем случае не применять такие выражения, в корне противоречащие истинному положению вещей. Русские – это часть нашего народа, их вклад в становление и развитие Казахстана огромен и не подлежит забвению» (Сунгоркин, Седов&Кияница, 2020).

Однако если государство в основополагающих документах и в лице его главных представителей не придерживается линии по использованию термина «диаспора» в отношении своих граждан, то почему в публикациях периодических изданий, в социальных сетях, да и в некоторых научных изданиях можно встретить тезис о том, что русские в Казахстане – это диаспора? Одно из объяснений сложившейся практики можно найти в ранних законодательных актах, касающихся вопроса развития языков в республике. Интересно, что Закон «О языках в Республике Казахстан» от 11 июля 1997 года применяет среди основных понятий термин «диаспора», подразумевая, что это «часть народа (этническая общность), проживающая вне страны его исторического происхождения», но используется это понятие только в отношении зарубежной диаспоры казахов: правительство, иные государственные, местные представительные и исполнительные органы обязаны...«оказывать помощь казахской диаспоре в сохранении и развитии родного языка» (Республика Казахстан, 1997).

Вместе с тем в Государственной программе функционирования и развития языков на 2001–2010 годы, которая утратила силу только в апреле 2011 г., одной из задач программы ставилось «оказание государственной поддержки в обучении представителей этнических общностей (диаспор) родным языкам». И далее указывалось, что «государством оказывается помощь языкам всех диаспор, проживающих на территории Казахстана. В целях развития национальных языков и культуры в стране создана система воскресных школ по обучению родному языку. В 1999–2000 учебном году в воскресных школах в качестве родных изучались 14 языков: корейский, иврит, украинский, татарский, немецкий, турецкий, чеченский, уйгурский, армянский, азербайджанский, чувашский, польский, курдский, дунганский» (Республика Казахстан, 2001).

Приведенные выдержки из законодательства по развитию языков в Казахстане с использованием понятия «диаспора» подтверждают наблюдения французских исследователей М.Ларюэль и С.Пейруза (2007), сделанные ими в начале 2000-х годов, что все основные баталии разворачиваются вокруг темпов расширения зоны использования казахского языка, как государственного. А использование понятия «диаспора» придавала этим «баталиям» еще большую остроту. «Сторонники быстрого развития казахского языка призывали к действенным мерам, приводя в оправдание тот факт, что ранее принятые законы не возымели должного эффекта в областях с преобладанием русского населения. Нападая на русских и видя в них основных противников казахского языка, националисты стремились также привлечь внимание к проблеме недостаточного владения родным языком самих казахов.

Русские организации продолжали возмущаться несоответствием между конституционной гарантией не подвергать людей по мотивам незнания языка и существования

таких профессий, например, связанных с политической деятельностью, для которых обязательно знание казахского языка» (Ларуэль & Пейруз, 2007).

Не только в некоторых официальных документах в отношении русских и других этнических групп, а также их языков использовался термин «диаспора». Его применение широко практиковалось в национал-патриотических кругах, как не вспомнить в этой связи нашумевшее высказывание журналиста А.Умарова о русских как «навязанной диаспоре». В 2007 г. в статье «Русские в Казахстане – диаспора или единый казахстанский народ?», опубликованной на портале Asiaplus.news, делается однозначный вывод, что «на данный момент русские в Казахстане являются диаспорой, весьма значительной в количественном выражении, осознающими свою этническую принадлежность и обладающие ярко выраженным национальным самосознанием». (прим. авторов: обращает внимание синонимичное использование слов «этническое» (принадлежность) и «национальное» (самосознание)).

Можно привести интервью политика М.Тайжана (2011), который, раскрывая свою позицию по поводу русского языка, приводил следующие аргументы: «Русскому языку как таковому ничего не угрожает – есть мощная Российская Федерация. Как и корейскому языку ничего не угрожает – есть даже два корейских национальных государства. Ничего не угрожает греческому языку, польскому, украинскому, азербайджанскому, армянскому – почти все наши диаспоры имеют собственные национальные государства. А вот если казахский не поддержать нашей государственной политикой, он больше нигде не сохранится». Т.е. очевидно, что в Казахстане сформировались два параллельных дискурса о «диаспоре»: при официальном «гражданственном» курсе государства функционировал другой, языковой, дискурс, согласно которому – тот, кто не казах и особенно, кто не владеет казахским языком, должен быть отнесен к диаспоре.

В свою очередь если рассмотреть российский публичный и научный контент о русских в Казахстане, то он вполне определенный: казахстанские русские – это диаспора. Примечательно, что в законодательстве РФ используется понятие «соотечественники», при этом «отношения с соотечественниками за рубежом являются важным направлением внешней и внутренней политики Российской Федерации». Согласно ст.25 Федерального закона «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом» от 24.05.1999 г., ведется государственный мониторинг в области отношений с соотечественниками, «включающий в себя сбор, анализ и оценку информации о положении соотечественников, создание банка данных, прогнозирование ситуации и проведение научно-исследовательских работ» (Российская Федерация, 1999).

На практике понятие «диаспора» в отношении зарубежных русских не просто сразу стало использоваться в общественном дискурсе, но нашло свое воплощение на институциональном уровне. Весной 1996 г. в Москве с государственным участием был создан Институт стран СНГ (Институт диаспоры и интеграции). И как указано на официальном сайте организации: «С момента основания Института в круг его задач входит изучение постсоветского пространства, научно-аналитическое и общественно-политическое сопровождение внешнеполитической деятельности Российской Федерации в ближнем зарубежье, а также российской диаспоральной политики, мониторинг и прогнозирование внутренней и внешней политики бывших союзных республик, анализ моделей экономической, политической, военной и культурной интеграции на постсоветском пространстве. Большое значение Институт уделяет сбору и обработке информации о положении соотечественников в ближнем зарубежье, укреплению связей с российской диаспорой за рубежом» (Официальный сайт Института СНГ).

При этом, как отмечает Г.Н. Ким, «новой России необходима и ее диаспора, и высокий имидж этой диаспоры в мире и в отдельных странах. Использование диаспорального потенциала в реализации национальных интересов Россией уже вполне назрело, однако основной проблемой ее взаимодействия с зарубежными общинами является отсутствие четко выраженной прагматической концепции» («Диаспоры Казахстана: единство в многообразии», 2017). Т.е. в России использование понятие «диаспора» в отношении зарубежных русских

вполне легально и научно обоснованно, и можно отметить использование сразу двух определений: «русская диаспора» и «российская диаспора». Считаем важным добавить, что использование понятия «диаспора» в отношении казахстанских русских на официальном уровне в РФ и в общественно-публичном поле в Казахстане с учетом одного языкового пространства – на русском языке – позволяет этим двум сторонам находить общее основание, приводить одни и те же «удобные» аргументы в отношении казахстанских русских, но с той лишь разницей, что с одной стороны они звучат как «притягивающие», с другой – как «выталкивающие».

Согласно другому направлению в российской научной мысли применять по отношению к казахстанским русским термин «диаспора» не корректно, поскольку этимологически понятие «диаспора» означает «рассеяние». Диаспора обычно не располагается на своей исторической территории, «а русские Казахстана (особенно северного) как раз там и живут, и считают себя автохтонами. Они не «рассеивались», не покидали свое государство» («Этнографическая экспедиция в Казахстан и Киргизию», 2019).

Академик В. А. Тишков (2007), указывая на слабость общепринятого определения диаспоры, связывает это с тем, что «оно основывается на перемещении (миграции) людей и исключает другой менее распространенный случай образования диаспоры – перемещение государственных границ, в результате чего культурно-родственное население, проживавшее в одной стране, оказывается в двух или в нескольких странах, никуда не перемещаясь в пространстве». С точки зрения Тишкова, политическая метафора «разделенного народа» как исторической аномалии, «составляет один из важных компонентов идеологии этнонационализма, который исходит из утопического постулата, что этнические и государственные границы должны совпадать в пространстве. Однако эта важная оговорка не отменяет факт образования диаспоры в результате изменения государственных границ. Проблема в том, по какую сторону границы появляется диаспора, а по какую — «основная территория проживания».

По мнению Е. Р. Морозовой (2019), «по факту народ не покидал своей Родины. Она их «покинула» в 1991 г. в результате прекращения существования СССР. Поэтому большинству русскоязычного населения было тяжело осознать, что теперь они являются гражданами иного государства. Именно это обстоятельство сказалось на структуре и системе организации российской диаспоры не только в Казахстане, но и на всем постсоветском пространстве, что и является главной ее отличительной чертой от диаспоры дальнего зарубежья». Для справедливости отметим, что подобный взгляд можно распространить и на другие «разделенные» государственными границами народы, в том числе на казахов, проживающих по другую сторону казахстанско-российской и других границ нашей страны.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Чтобы составить портрет одного из крупнейших этносов страны и определить некоторые тенденции, согласно которым он будет развиваться в будущем, мы провели вторичный анализ комплекса статистических и социологических данных. В частности, для проведения статистического анализа мы опирались на материалы и базы с ретроспективой до 30 лет, публикуемые Бюро по статистике АСПиР РК, а именно: это данные официальных Переписей населения 1989, 1999, 2009, 2021 годов, Демографический сборник Казахстана и статистический сборник «Численность населения Республики Казахстан по отдельным этносам» за разные годы. В качестве социологической основы для анализа выступили данные 14 волн исследования «Мониторинг социального самочувствия стран постсоветского пространств» МИА «Евразийский монитор», проведенных ОФ ЦСПИ «Стратегия» с 2005 по 2025 год, как одним из оператором проекта в Казахстане с правом продвижения результатов исследования. Опросы проводились в форме очного формализованного интервью по заданному вопроснику. Для обеспечения репрезентативности опроса взрослого населения (от 18 лет и старше) формировалась выборочная совокупность, репрезентирующая население

страны по полу, возрасту и типу поселения. Объем выборки в волнах варьировал от 1100 до 1600 респондентов.

Также для анализа были использованы собственные данные ОФ ЦСПИ «Стратегия» по замерам общественно-политической ситуации в стране, проведенные в период с 2009 по 2025 год. Опросы проводились в форме очного формализованного интервью с использованием репрезентативной выборки по полу, возрасту и типу поселения. Объемы выборки в исследованиях варьировали от 1600 до 2500 респондентов.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Демографическое описание казахстанских русских: динамика численности, расселение, браки. Русские были и остаются на сегодняшний день второй по численности этнической группой в Казахстане. По данным Бюро национальной статистики на начало 2025 г. доля русских в стране составила 14,6%, или 2963938 человек (Бюро национальной статистики, 2025а). Сравнительный анализ численности русских в структуре населения страны по результатам переписи населения демонстрирует устойчивый тренд на снижение их доли в общей численности населения в среднем на 7% за каждые 10 лет. Если по состоянию на 1999 г. доля русских составляла 30%, то уже в 2009 г. показатель снизился до 23,7%, а в 2021 г. составил 15,5%. Внутри этноса убыль за один межпереписной период в среднем составляет 20% (Бюро национальной статистики, 2023).

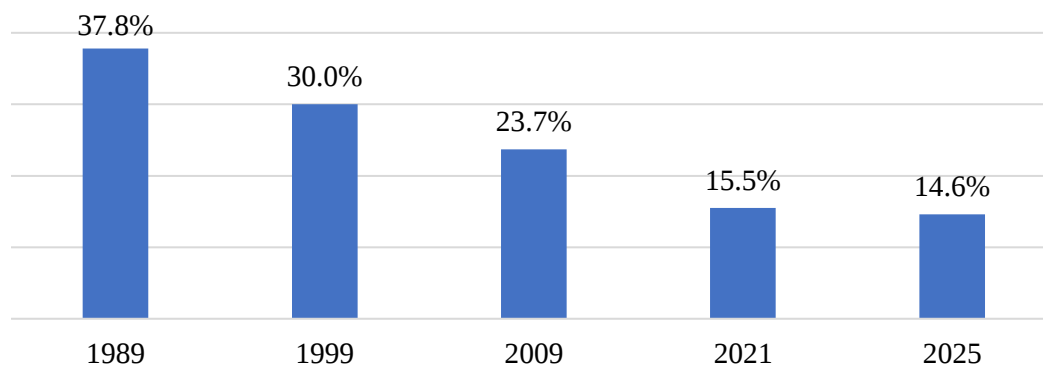

Рисунок 1. Численность русских в структуре населения Казахстана по результатам переписей, 1989, 1999, 2009 и 2021 гг., %.

Примечание – составлено авторами на основе результатов переписей населения (Демографический сборник Казахстана, 2025)

Русские являются урбанизированным этносом в Казахстане. Как отмечает С.Я. Суций (2019), «основная пространственная ось расселения русских, вытянутая от берегов Волги до Амура и Тихого океана, проходила севернее (южная ее граница располагалась на широте Оренбурга)». Будучи оседлым народом, русские осваивали северные и восточные территории, практически не создавая общего русско-казахского расселенческого ареала. В результате такого расселения «вдоль казахских кочевий формируется укрепленная линия – цепочка крепостей, спустя время обраставших посадами и приобретающими статус городов (в их числе Омск, Семипалатинск, Усть-Каменогорск, Орск)». Таким образом, по мнению Суцкого, «русские преимущественно через растущую вширь городскую сеть перемещаются внутри региона». На сегодняшний день 77% от общего числа русских, проживающих в стране, живет в городах, и только 23% – в сельской местности.

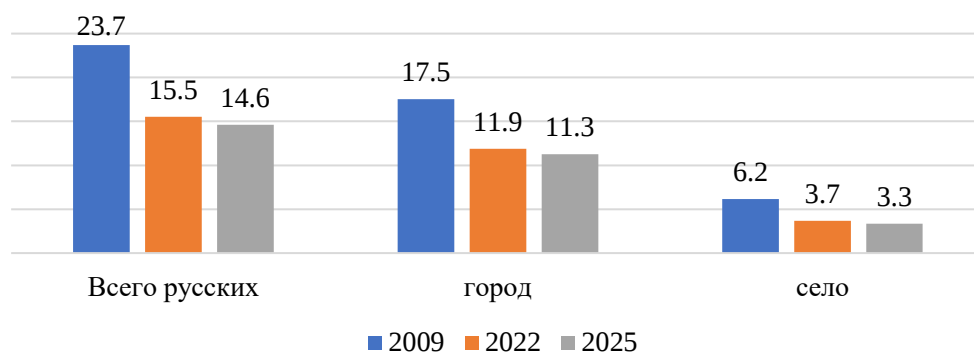

Рисунок 2. Численность русских в структуре населения Казахстана 2009-2025 гг., %

Примечание – составлено авторами на основе статистических данных (Численность населения по отдельным этносам Республики Казахстан на начало 2025 года; Численность населения Республики Казахстан по отдельным этносам на начало 2020 года; Численность населения Республики Казахстан по отдельным этносам на начало 2009 года)

Сохраняются и исторически сложившиеся ареалы расселения русских в северных и северо-восточных регионах, а также в силу развития добывающей промышленности и в центральных регионах (Карагандинская и Улытауская (бывш. Жезказганская) области) Казахстана. Если смотреть на страну в целом, то можно говорить о том, что в этих ареалах живет каждый второй русский в стране. Если говорить о доли русских в этнической структуре указанных регионов, то она варьирует от 30 до 45% (Бюро национальной статистики, 2025b).

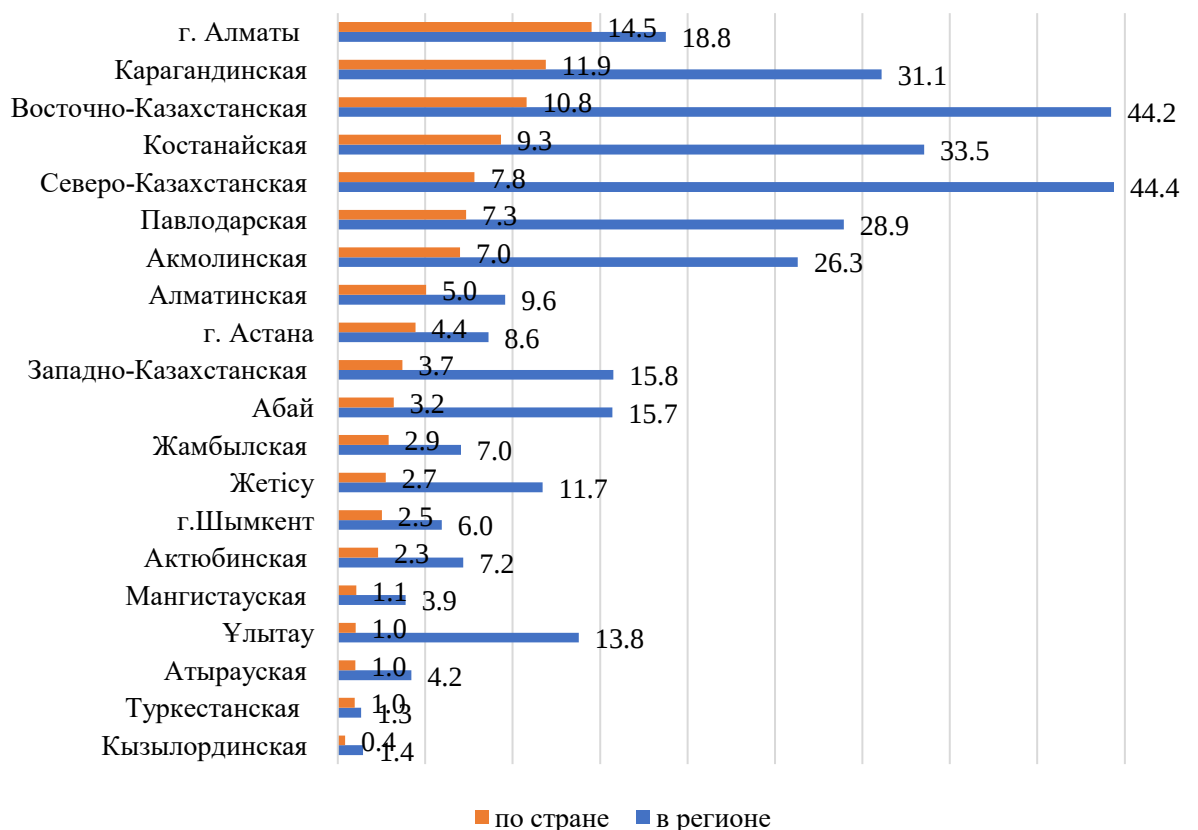

Рисунок 3. Численность русских в регионах Казахстана по состоянию на начало 2025 г., %

Примечание – составлено авторами на основе статистических данных («Численность населения по отдельным этносам Республики Казахстан». 18 серия. Демографическая статистика, 2025)

Как отмечалось выше, в стране сохраняется устойчивый тренд на снижение численности русских. На представленном ниже графике видно, что в межпереписной период с 2009 по 2021 год наблюдалось снижение показателя численности русских в среднем $-0,5\%$ в год. Но по результатам переписи населения 2021 г. стало видно, что разница в показателях численности русских на начало 2022 г. к предыдущему 2021 г. составила -450248 человек, или -13% . С одной стороны, данные были скорректированы и позволили получить более объективную картину по этническому представительству русских в стране. С другой стороны, напрашивается вывод, что снижение доли русского этноса в структуре населения страны в межпереписной период идет более высокими темпами.

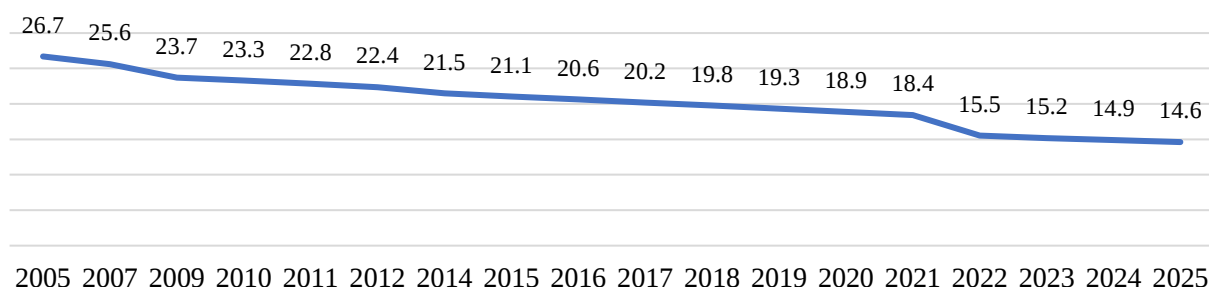

Рисунок 4. Численность русских в структуре населения Казахстана 2009-2025 гг., %

Примечание – составлено авторами на основе статистических данных (Демографический сборник Казахстана 2020–2024; Демографический сборник Казахстана 2016–2020; Демографический сборник Казахстана 2009–2017)

Как показывает статистический анализ, убыль русских происходит по нескольким причинам. До недавнего времени заметные опасения по степени влияния на численность русского этноса в стране вызывала миграция за пределы Казахстана. Миграция, или пространственная мобильность, населения является одним из трех демографических феноменов (наравне с рождением и смертностью), которые «объединяют свои усилия для того, чтобы изменить численность населения» (Вандескрик, 2005). Начиная с 2010-х годов сальдо миграции русских варьировало на уровне 13–15 тысяч человек в год со знаком минус, а в 2019 г. превысило порог в 30 тысяч со знаком минус. Тем не менее, динамика сальдо миграции русских за последние 5 лет показывает, что при сохраняющемся отрицательном балансе сам показатель уменьшился в 8 раз – с 17663 человек в 2020 г. до 2101 человек в 2024 г.. Это свидетельствует о существенном сокращении эмиграционного потока русских и, как следствие, снижении влияния миграционного фактора на их численность в стране.

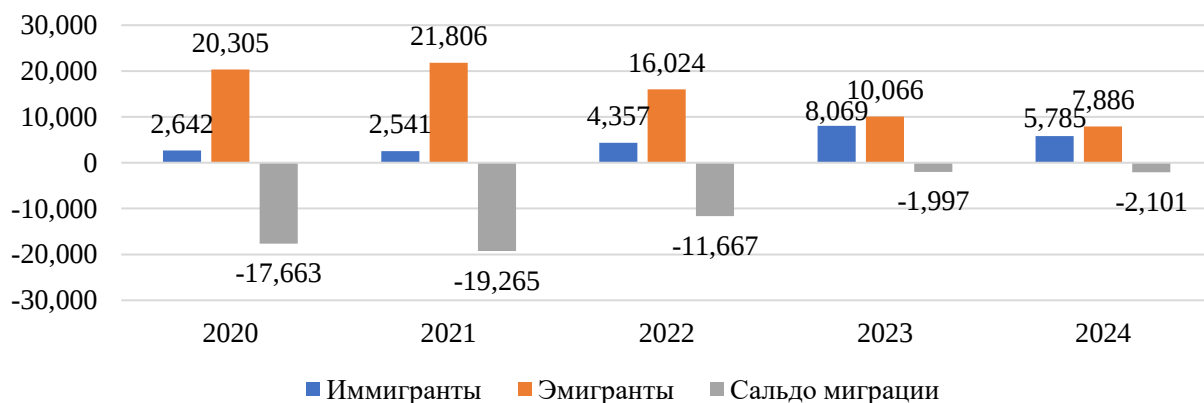

Рисунок 5. Сальдо миграции русских, 2020 – 2024 гг., чел.

Примечание – составлено авторами на основе статистических данных (Демографический сборник Казахстана 2020–2024 гг.)

Если в 1999-2000 гг. можно было говорить о том, что миграция влияет на численность русских, так как 74,5% потерь русских обусловила внешняя миграция, то уже в 2004-2005 гг. миграция сократила численность русских на 47,5%, а отрицательный естественный прирост – на 52,5%. Согласно расчетам демографов, за последние 25 лет число матерей в русском этносе сократится более чем на треть (Краснобаева, 2024). Таким образом, основной причиной убыли русских, начиная с середины 2000-х годов, выступает отрицательный естественный прирост у представителей этого этноса. С 2010-х годов средний коэффициент рождаемости (далее – СКР) русских в Казахстане имеет тенденцию к снижению, и по состоянию на 2023 г. оценивался в 1,33 ребенка на женщину («Фертильность русских в Казахстане», 2024).

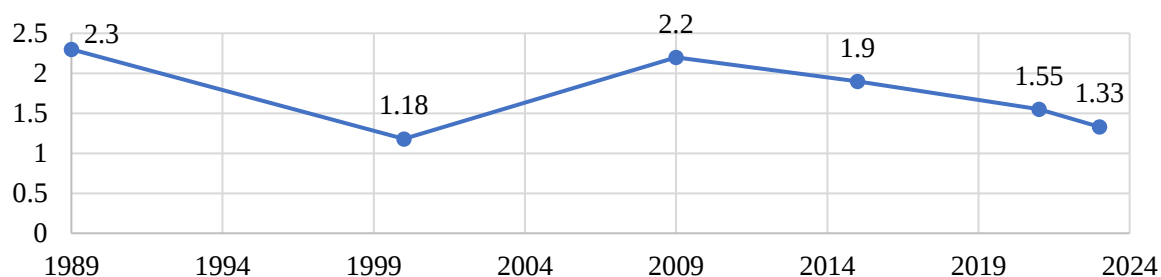

Рисунок 6. Средний коэффициент рождаемости русских в Казахстане, 1989-2023 гг., %.

Примечание – составлено авторами на основе публикации «Фертильность русских в Казахстане» (<https://denalt.livejournal.com/84302.html>)

Также согласно данным переписи населения, среди основных этнических групп, проживающих на территории Казахстана, самый высокий уровень старения населения фиксируется у славянских этносов (Сагынбаева, 2023). По результатам переписи 2021 г., среди русских доля старшего поколения в возрасте 60+ лет составила 25%, среди казахов – 9%. Средний возраст русских по разным источникам варьирует от 44 до 48 лет, и это на 10 лет выше, чем в среднем по стране на начало 2024 г. (32,3 года) («Средний возраст казахстанцев – 32,3 года», 2024).

Как фактор влияния на численность этноса, а также косвенно на миграцию, интерес представляют межнациональные браки. Как отмечает Ю.В. Арутюнян (2003), изучавший на основе социологических исследований в конце 90-х – начале 2000-х годов положение русских в некоторых странах бывшего СССР, «у русских, в отличие от других национальностей, в соответствии с сохранностью их более устойчивых установок на межнациональные контакты и национально-смешанные семьи в исследуемых регионах интернациональные нормы поведения соблюдались больше: они чаще состояли в смешанных браках и те, кто был связан такой семьей, конечно, реже уезжали в Россию». По мнению А. Калыша, одной из особенностей количества этнически смешанных браков выступает численность и компактность расселения этноса: чем больше численность этнической группы и сильнее ее локализация, тем меньше их участие в смешанных браках, и наоборот («Диаспоры Казахстана: единство в многообразии», 2017). Русские отличаются относительной дисперсностью расселения, а также тем, что придают меньшее значение этническому происхождению партнера, ставя на первое место чувства к избраннику/-це, что делает для них решение о вступлении в межэтнический брак более простым, чем, например, для казахов. Также отмечается повсеместное превышение участия в межнациональных браках мужчин по сравнению с женщинами одного этноса.

Статистический анализ показывает, что доля межэтнических браков среди русских за последние пять лет вновь увеличилась и варьирует на уровне 30% от числа межэтнических браков; аналогичный показатель среди казахов составляет 20–22%.

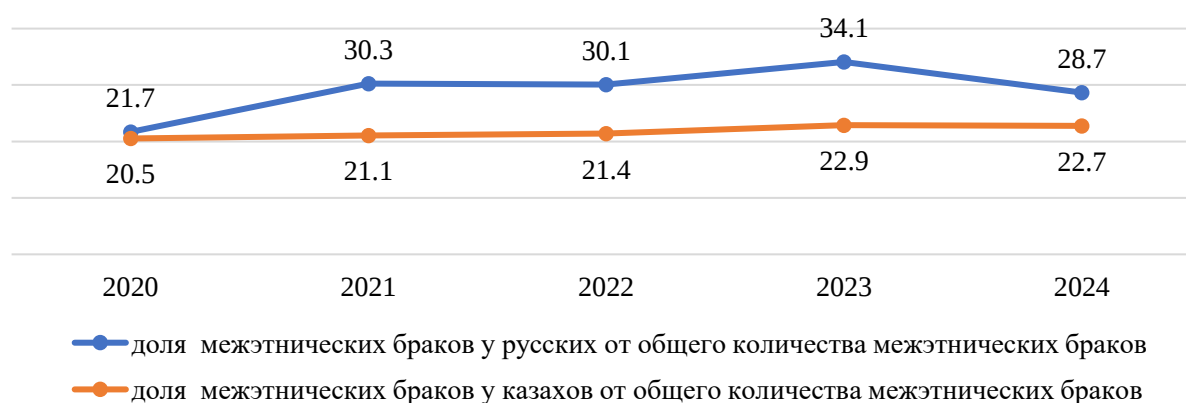

Рисунок 7. Доля межэтнических браков среди русских и казахов за 5 лет, %

Примечание – составлено авторами на основе статистических данных (Демографический сборник Казахстана 2020–2024 гг.)

Тема межэтнических браков влечет за собой вопрос об ассимиляции и самоопределении второго поколения, рожденного в таких браках. В межнациональной семье ребенок объективно вовлечен в ситуацию межэтнического взаимодействия в рамках одной и той же семьи, где смешиваются различные этнические культуры и религии. И как показывает исследование (Уалиева, 2020), в большинстве случаев лица смешанного происхождения при получении документов выбирают этническую принадлежность по отцу. Но этническая самоидентификация детей из межэтнических браков де-юре и де-факто не всегда совпадают. На практике существенное влияние на процесс идентификации имеют язык общения в ближнем окружении, культура и отношения внутри семьи. Как отмечает А. Калыш, в южных регионах, «в условиях количественного преобладания казахов, несомненно, ассимиляция будет происходить с перевесом казахской культуры», в то время как в северных регионах «сохраняется сильная языковая и культурная ассимиляция со стороны русского и русскоязычного населения» («Диаспоры Казахстана: единство в многообразии», 2017). Практика это подтверждает.

Таким образом, можно говорить о том, что русские, все еще оставаясь вторым по численности этносом в стране, не испытывают критической этнической модификации и развиваются как самостоятельная этническая единица. И пока на это не оказывают существенного влияния такие факторы, как низкий естественный прирост и дисперсность расселения русских в Казахстане.

Уровень жизни и социальное самочувствие. Приступая к рассмотрению положения казахстанских русских на основе социологических данных, начнем с оценок семейного материального положения. Как видим, на протяжении 20 лет наблюдений русские респонденты при ответе на соответствующий вопрос чаще всего выбирали вариант «материальное положение среднее». Причем в 2009 г. был достигнут один из самых высоких показателей таких оценок (68%), после чего в течение почти 15 лет большинство русских практически не меняло своих оценок (55–62%), вплоть до 2025 г., когда доля оценки «среднее» достигла высоты 70%. При этом оценки материального положения как хорошего и очень хорошего менялись более динамично, с заметными падениями с обычных в спокойные годы 30% до 15% в кризисный 2009 г., 8% в пандемический 2021 г. и 17% в 2025 г. с его высокими инфляционными ожиданиями.

Заметно, что в случае ухудшения социально-экономической ситуации в стране часть русских из сравнительно хорошей экономической позиции переходила на оценку своего положения как среднего (как мы видим на данных 2025 г.), а другая – чаще была склонна называть свое материальное положение как плохое и очень плохое (в 2009 и особенно в 2021 годах).

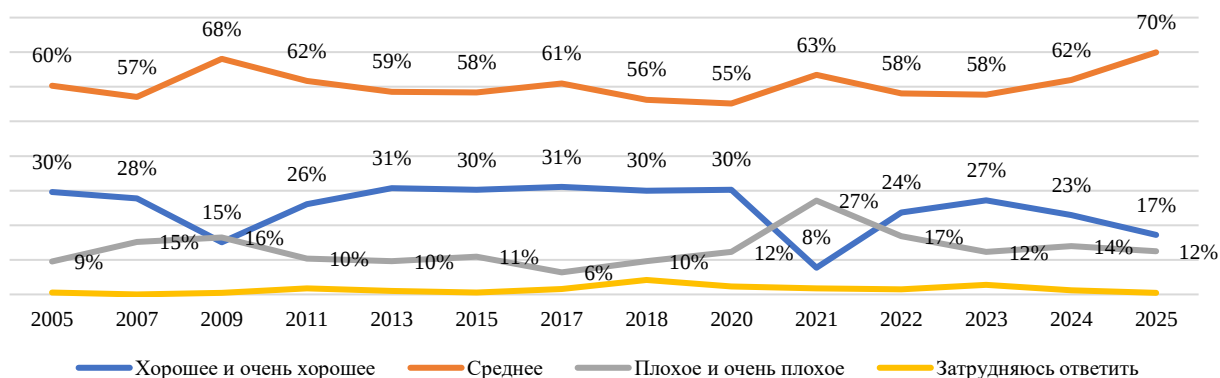

Рисунок 8. Динамика материального положения русских за 20 лет, %

Примечание – составлено авторами на основе данных исследования «Мониторинг социального самочувствия» проекта «Евразийский монитор» (ОФ ЦСПИ «Стратегия»)

При сопоставлении оценок удовлетворенности жизнью русских с общестрановыми показателями видим практически полностью схожий рисунок, говорящий о единстве восприятия условий жизни у всего населения страны, как в спокойные, так и кризисные периоды. Т.е. можно предположить, что происходит постепенная гомогенизация, повышение однородности населения страны с точки зрения восприятия условий жизни вне зависимости от этнического признака.

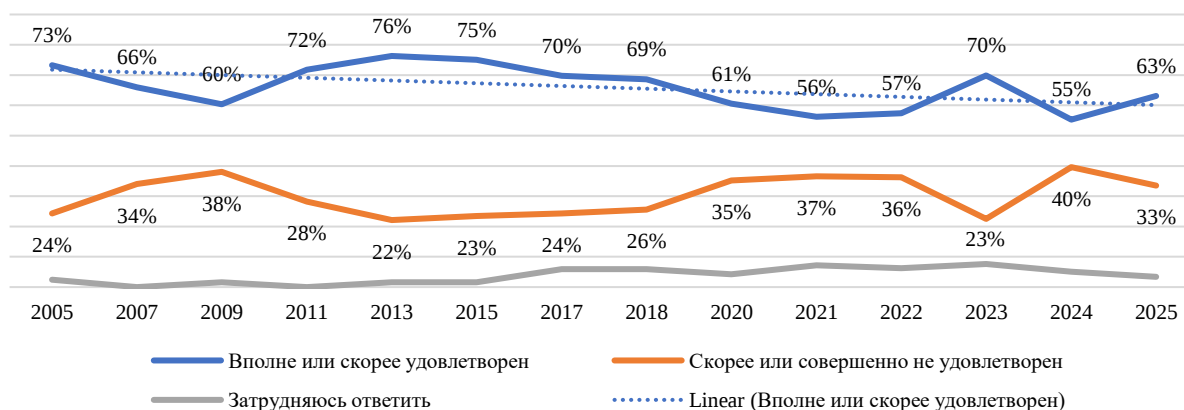

Рисунок 9. Динамика удовлетворенности жизнью русских за 20 лет, %

Примечание – составлено авторами на основе данных исследования «Мониторинг социального самочувствия» проекта «Евразийский монитор» (ОФ ЦСПИ «Стратегия»)

Вместе с тем русских отличает более низкий уровень социального оптимизма: из года в год происходило, не очевидное, через относительно короткие периоды подъема, но снижение числа тех, кто ожидает в краткосрочной перспективе улучшения своей жизни и жизни своих семей. В 2025 г. доля таких ответов упала до 23%, причем наблюдается последовательное снижение этого показателя, начиная с 2022 г. – с 36%. При этом с 2023 г. увеличиваются доли тех, кто предполагает, что их жизнь несколько или значительно ухудшится (в 2 раза) и тех, кто считает, что ничего в жизни не поменяется (будет так же, как сейчас). В т.г. число таких ответов достигло исторического максимума – 55%.

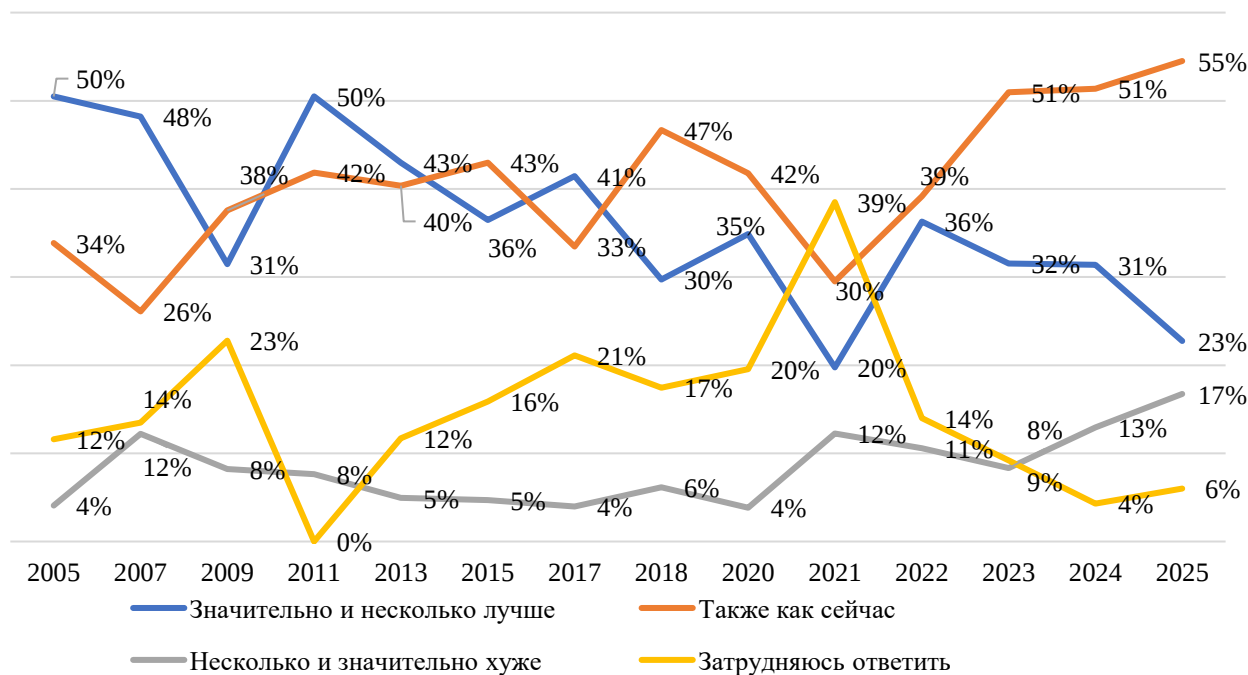

Рисунок 10. Динамика показателя социального пессимизма русских за 20 лет, %

Примечание – составлено авторами на основе данных исследования «Мониторинг социального самочувствия» проекта «Евразийский монитор» (ОФ ЦСПИ «Стратегия»)

О падении оптимизма среди русских можно судить и по итогам ответов на следующий вопрос. Если в 2022 г. были уверены в будущем 52% опрошенных из этой группы, то в т.г. положительно ответили на данный вопрос только 42%. При этом в 2025 г. более половины опрошенных русских (54%) сказали, что они не уверены в будущем.

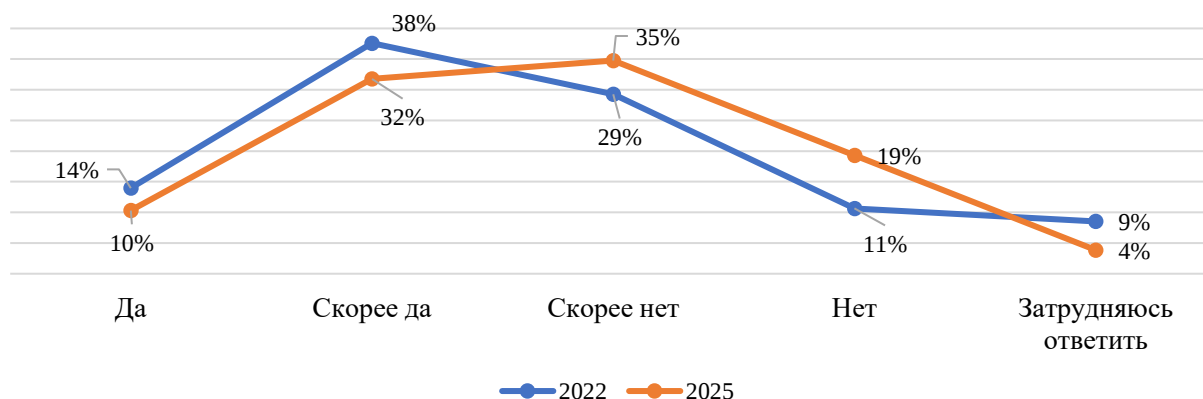

Рисунок 11. Сравнительные данные по оценке субъективной уверенности в будущем респондента, %

Примечание – составлено авторами на основе собственных данных (ОФ ЦСПИ «Стратегия»)

В то же время среди русских только пятая часть опрошенных (21%) чувствуют себя некомфортно в Казахстане, а 77% с той или иной степенью уверенности сказали, что в Казахстане им комфортно, в 2022 г. так ответили 87%, но при этом уровень определенности был выше (44% дали уверенный ответ «да»).

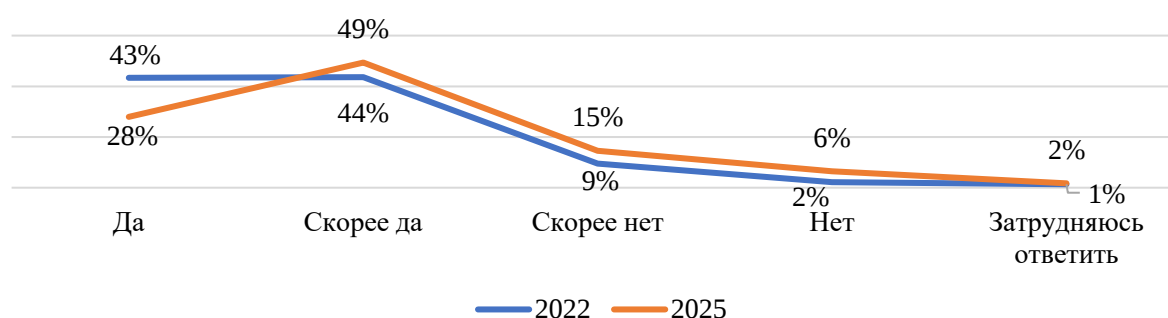

Рисунок 12. Сравнительные данные по оценке комфортности жизни в Казахстане, %

Примечание – составлено авторами на основе собственных данных (ОФ ЦСПИ «Стратегия»)

Возникает вопрос, с чем связано падение оптимизма среди русских? Является ли причиной их количественное сокращение в структуре населения или влияют какие-то другие обстоятельства? Интересное предположение по поводу настроений среди русских было высказано М. Ларюэль и С. Пейрузом (2007): «местных русских нельзя рассматривать и через призму обычной проблематики «национальных меньшинств» – отношение к ним в Казахстане не может быть таким, как к другим подобным сообществам, даже славянским. Отличие определяется не только «количеством», но и «качеством»: русские в Казахстане никогда не считали себя меньшинством; до недавнего времени они были большинством и «физически». Их требования исходят не от «группы», а носят общеполитический характер, ведь они уверены, что должны определять пути развития страны наравне с казахами». Таким образом, можно предположить, что снижение до уровня меньшинства, пусть и многомиллионного, будет влиять на настроения в этносе, привыкшего быть в центре общественных процессов.

Однако, на наш взгляд, снижение оптимизма в период, начиная с 2022 г., на фоне того, что другие показатели, например, комфортности жизни в Казахстане, состояния материального положения семей и удовлетворенности жизнью не показывают ухудшения, может говорить о том, что на настроения русских оказывают влияние иные факторы. И в данном случае речь идет о факторе военного конфликта между Россией и Украиной, который повысил уровень тревожности и неопределенности в русском этносе в Казахстане, представители которого не могут не испытывать беспокойства из-за ситуации в стране происхождения (исторической родине), что оказывает воздействие на их жизненные планы. Можно привести в качестве подтверждения нашего предположения мнение академика В.А. Тишкова, который в одной из своих статей указывал, что «...диаспорам безразлично, какая, на их взгляд, осуществляется политика правительствами стран исхода: укрепляет ли она безопасность и благополучие их родины или, наоборот, оказывает разрушительное воздействие. Это важно для диаспор, ибо во многих случаях сохраняется расчет на возможность переезда в родную страну, если условия в стране пребывания будут ухудшаться, а в стране исхода — улучшаться. И даже безотносительно возможного переезда, присутствует также символический интерес — это иметь в качестве родины благополучную страну с позитивным имиджем, чтобы через этот имидж лучше поддерживать и отстаивать собственную идентичность перед вызовами ассимиляции в стране пребывания» (Тишков, 2007).

В уже упоминавшейся статье «Русские в Казахстане — диаспора или единый казахстанский народ?» (2007) отмечалось, что причиной слабой интеграции русских в процесс формирования «казахстанской нации» является «дискриминация в сфере языковой политики и в области допуска русских и другого нетитульного населения к государственному управлению и представительству во властных и законодательных структурах».

Определенно, требования знания казахского языка при приеме на государственную службу и, в целом, значительное расширение сфер его использования оказалось важным ограничителем социальной мобильности для тех, кто плохо или совсем не владел государственным языком, а их среди русских — большинство. Однако ситуация постепенно

меняется, и, как показало последнее исследование Фонда, сейчас в той или иной мере владеют казахским языком около четверти русских казахстанцев.

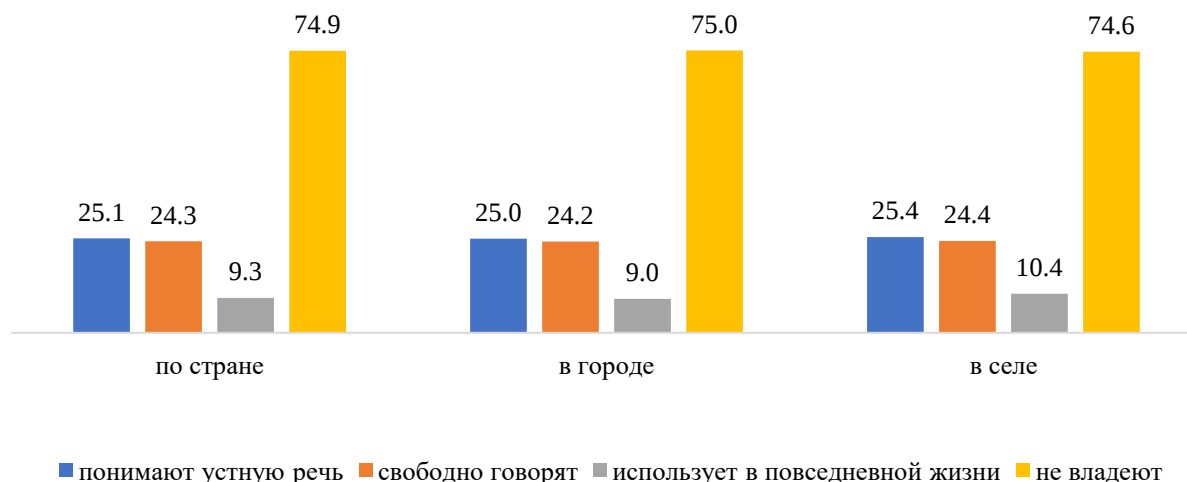

Рисунок 13. Владение казахским языком среди русских, %, 2025

Примечание – составлено авторами на основе собственных данных (ОФ ЦСПИ «Стратегия»)

Возвращаясь к вопросам социального самочувствия русских необходимо отметить, что в сложных социально-экономических условиях первого десятилетия независимости, а также слома привычных каналов вертикальной мобильности, русскими, как и многими другими казахстанцами, был сделан выбор в пользу рыночных форм занятости в целях обретения нового социального статуса. В подтверждение сказанного приведем данные исследований Ю.В. Арутюняна (2003), который отмечал настороженность русского населения в России к рыночным элементам, прежде всего к частной собственности и соответственно, их предпочтительного отношения к работе на государственных предприятиях. В то время как у русских в изучаемых им республиках, так же, как и у эстонцев, молдаван, грузин, произошел сдвиг в востребованности в сторону частной собственности и работы на частных предприятиях.

Согласно собственным данным Фонда, все последние годы русские в Казахстане преимущественно заняты в качестве наемных работников частного сектора (38–41%), еще одна часть (8–12%) работали на себя (собственники, индивидуальные предприниматели), в то время как в госсекторе (бюджетные организации, госорганы) было занято в разные годы не более 12% опрошенных. Т.е. на уровне половины опрошенных русские предпочитают работать в частном секторе, а если прибавить к этой группе тех, кто отнес себя к самозанятым, то очевидно, что большинство русских заняты вне государственного сектора. Формирование статуса занятости русских в условиях рыночной экономики и при ограничении использования других социальных лифтов, привело к результату, на который еще в середине 2000-х годов указывал А. Лобанов (2005): «Положительная сторона сегодняшней жизни (с какой только стороны), что среднестатистический русский казахстанец привык стоять на своих ногах и "не ждать милостей от природы". Благодаря, видимо, этому качеству русское население в большинстве своем живет лучше аборигенного населения – нет "олигархов", но и нет бишары (нищеты) среди работающих».

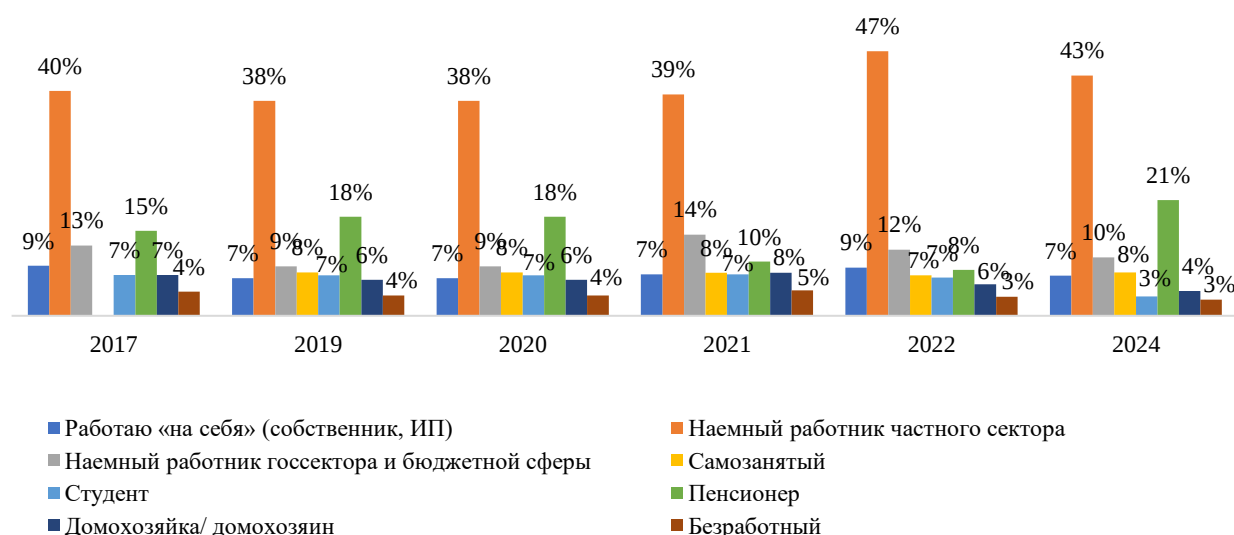

Рисунок 14. Изменение в социально-профессиональном статусе русских, %

Примечание – составлено авторами на основе данных исследования «Мониторинг социального самочувствия» проекта «Евразийский монитор» (ОФ ЦСПИ «Стратегия»)

В определенной мере выбор занятости коррелирует с выбором образовательной стратегии. Русские несколько чаще, чем представители казахов и других этносов, склонны получать среднее специальное образование, которое является достаточным для получения работы в частных компаниях, тогда как для работы в государственных и бюджетных организациях практически всегда требуется полное высшее образование.

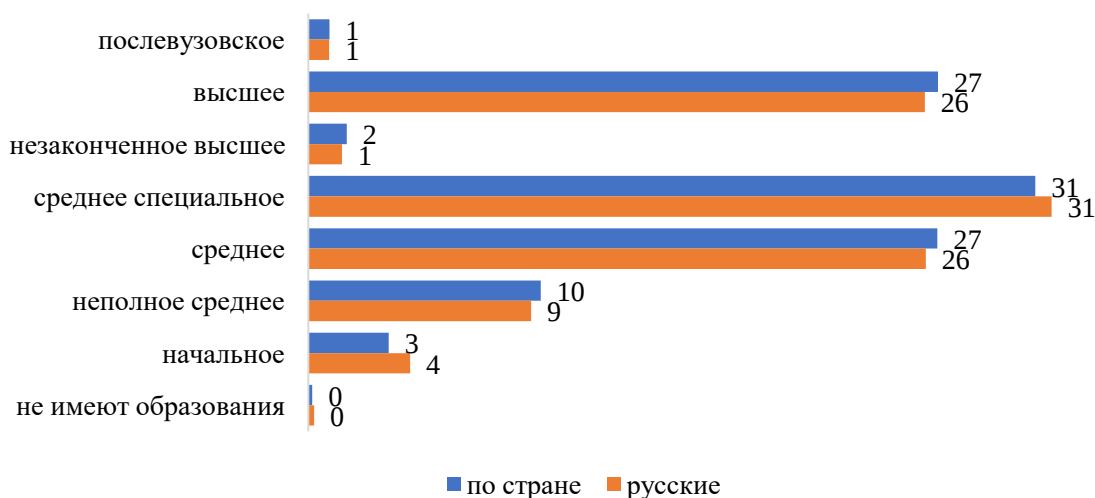

Рисунок 15. Сравнительные данные по образованию, %, 2025

Примечание – составлено авторами на основе собственных данных (ОФ ЦСПИ «Стратегия»)

Политические и внешнеполитические ориентации. Можно сделать вывод, что адаптация к изменившимся условиям у русских в Казахстане пошла вынужденным образом через те каналы и в те области, которые были открыты и доступны, прежде всего, речь об экономических возможностях и направлениях. Что касается политических ориентаций и практик русских казахстанцев, то в этом случае нельзя сказать, что вектор развития сразу получил свое оформление. В начале 2000-х годов Ларюэль и Пейруз (2007) фиксировали аполитичность русских казахстанцев, особенно с точки зрения поддержки ими политических партий и общественных организаций, в том числе использующих этнические лозунги: «как большинство бывших советских граждан, русские сегодня отвернулись от политики, в которой они активно участвовали только в период перестройки и в первые годы независимости».

Политическое поле воспринимается как чуждое, находящееся за пределами повседневных забот, полностью захваченное коррумпированными элитами, которые обогащаются за счет народа, в то время как каждый сегодня старается выжить, обеспечить себе приемлемый уровень доходов».

Этнограф И.Савин, рассуждая о том, почему в Казахстане не сложилась «эффективная русская идеология» в качестве одной из причин назвал то, что этничность, «т.е. культурная специфичность, не могла стать надежной основой для более-менее оформленной идентичности русских Казахстана потому, что в 1990-х годах два-три поколения у них выросли уже в условиях общесоветской индустриальной социальной и культурной среды». К тому же социализация в рамках нескольких поколений одной семьи оказалась невозможной из-за катаклизмов советского периода (30-50-х гг.), поэтому групповая идентичность у русских складывалась «не на семейных или локальных культурных ценностях, а на коллективизме производственных, образовательных и военных организаций, пронизанных советской идеологией». В этих условиях этническая солидарность выступала в представлениях русских не действенным ресурсом, а этнографической архаикой, которую другие народы должны пережить в ходе социального прогресса («Русские: этносоциологические исследования», 2011).

Эти авторы, как и казахстанские публицисты (Омарова, 2001), рассуждая о политической культуре русских в Казахстане и ее недостатках, делали акцент на недостаточной представленности их в государственных и выборных органах, практическом отсутствии на политическом поле «русских» партий и также слабую их поддержку русским электоратом. В то же время надо сказать, что с момента создания в 1995 г. Ассамблеи народов (-а) Казахстана, в ней всегда был представлен ряд русских общественных организаций, которые в настоящее время входят в ОЮЛ «Ассоциация русских, славянских и казахских организаций Казахстана», насчитывающих более 45 первичных самостоятельных славянских общественных объединений (Официальный сайт АНК). Т.е. на уровне АНК у русских имеется возможность для этнического представительства. Но такое представительство сформировало иную модель гражданского участия у русских в сравнении с казахами.

Особенности гражданской активности русских казахстанцев можно показать на социологических данных. Так, по итогам опроса, проведенного нами в 2024 г., на вопрос «Являетесь ли Вы членом какой-нибудь организации?» ответили «да» 8,2% казахов и 8,4% русских. При этом казахи чаще состоят в политических партиях, а русские чаще являются членами профсоюзов и волонтерских движений, т.е. им больше свойственен выбор не политических, а общественных образований для проявления своей гражданской активности.

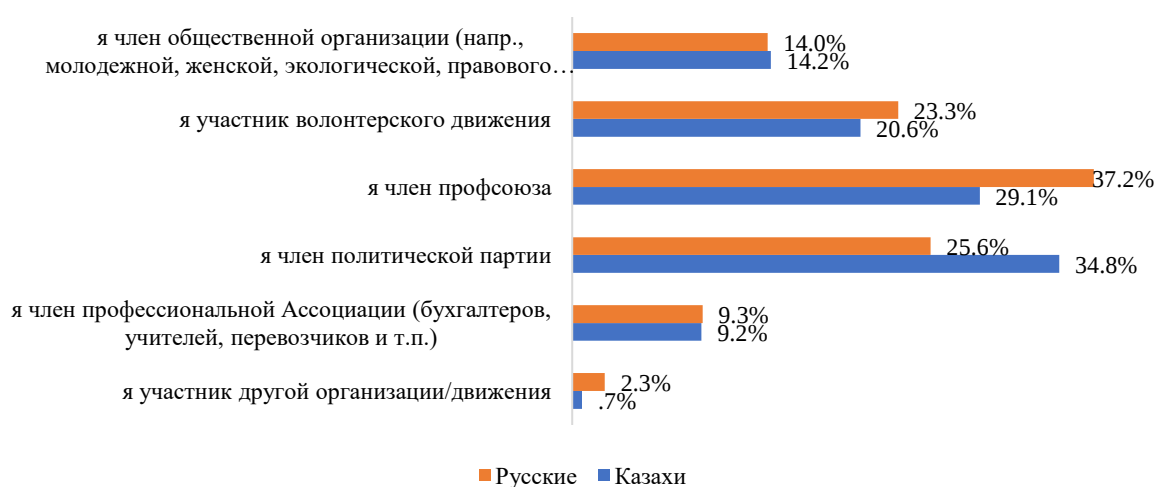

Рисунок 16. В настоящий момент вы состоите/являетесь членом какой-нибудь организации? Если да, то какой? %, 2025

Примечание – составлено авторами на основе собственных данных (ОФ ЦСПИ «Стратегия»)

Как показывают многолетние наблюдения, русские, впрочем, как и другие граждане Казахстана, лучше других институтов оценивают работу президентской ветви власти. В то же время одобрение работы правительства и Парламента всегда было значительно ниже, за исключением периода пандемии ковид-19, в который произошло снижение оценок работы всех трех центральных органов власти.

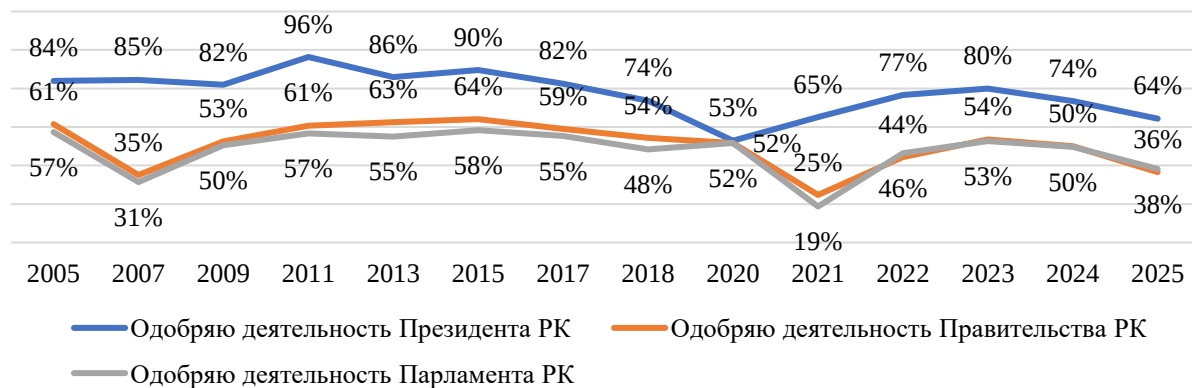

Рисунок 17. Одобрение деятельности центральных государственных органов, %

Примечание – составлено авторами на основе данных исследования «Мониторинг социального самочувствия» проекта «Евразийский монитор» (ОФ ЦСПИ «Стратегия»)

Вместе с тем обратим внимание на некоторые особенности оценок работы государственных органов. При сравнении показателей одобрения работы Президента страны за истекшие 20 лет, видим практически полное совпадение оценок русских с общестрановыми показателями, что говорит как о существенной поддержке представителями различных этнических групп политики, проводимой главой государства, так и сложившейся однородности их оценок.

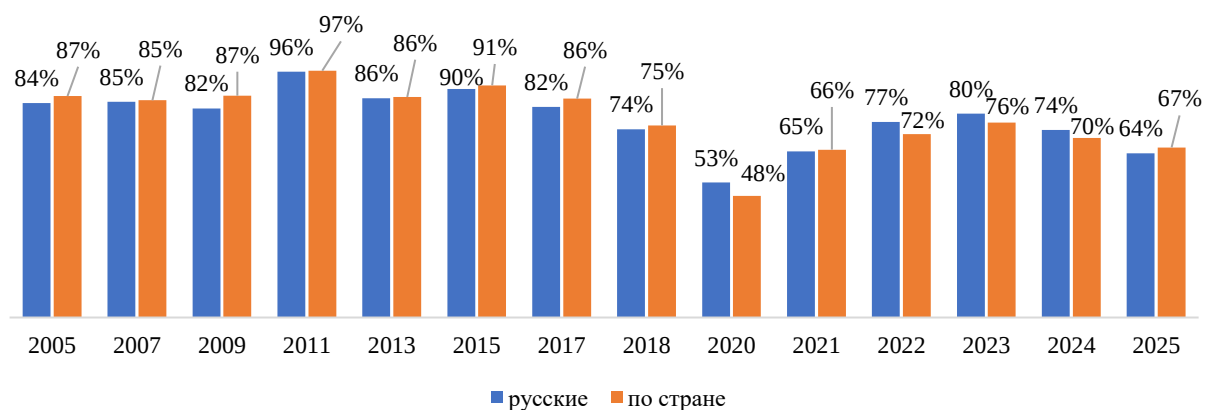

Рисунок 18. Сравнительные данные по одобрению деятельности Президента по стране и среди русских, %

Примечание – составлено авторами на основе данных исследования «Мониторинг социального самочувствия» проекта «Евразийский монитор» (ОФ ЦСПИ «Стратегия»)

В то же время с точки зрения оценок работы правительства и Парламента у русских формировались иные мнения. Так, в отношении правительственного курса русские активнее, чем в среднем по стране, выражали неодобрение, как это было в периоды 2007-2009 гг., 2015-2017 гг. и в настоящее время.

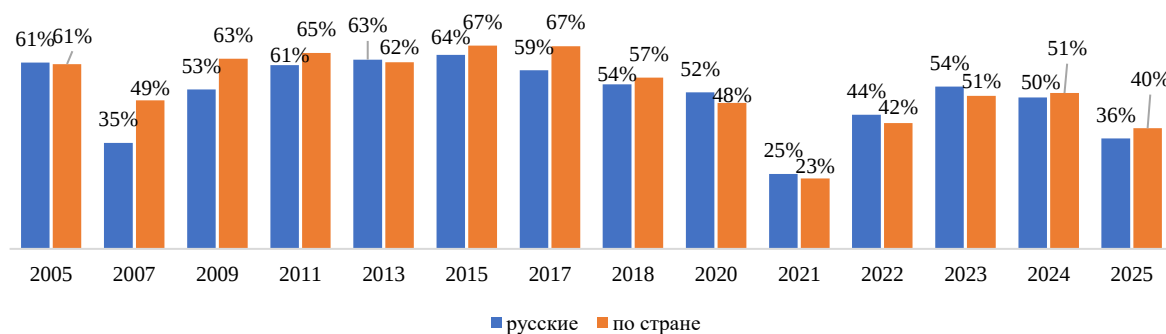

Рисунок 19. Сравнительные данные по одобрению деятельности правительства по стране и среди русских, %

Примечание – составлено авторами на основе данных исследования «Мониторинг социального самочувствия» проекта «Евразийский монитор» (ОФ ЦСПИ «Стратегия»)

И также русские заметно критичнее в отношении работы Парламента – их одобрение работы парламентариев в период с 2007 по 2020 год было существенно ниже, чем оценки всего населения страны. 2020 и 2021 гг. показали сходство восприятия работы Парламента всеми гражданами, включая катастрофическое падение показателей одобрения в 2021 г. – до 19% у русских и 20% по стране. В последующем (до 2024 г.) имели место рост показателей одобрения и определенная синхронизация оценок русских с общестрановыми. Однако в 2025 г. наблюдается общее снижение количества одобрительных ответов, причем среди русских оно более заметное.

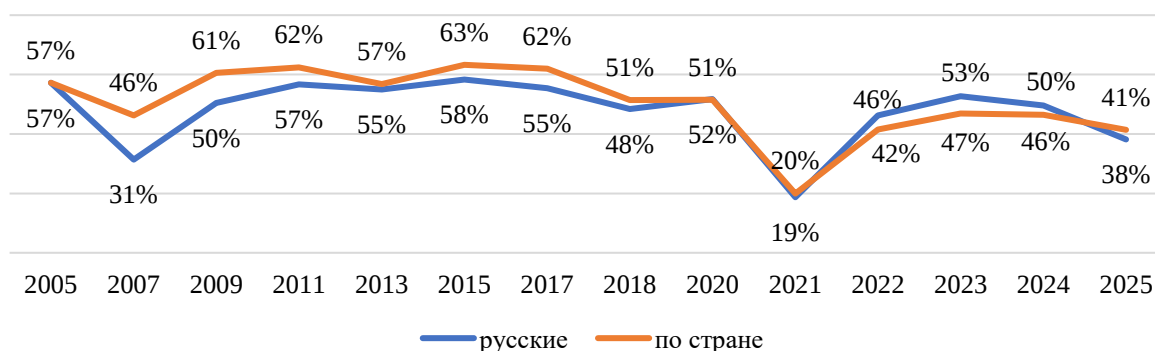

Рисунок 20. Сравнительные данные по одобрению деятельности Парламента по стране и среди русских, %

Примечание – составлено авторами на основе данных исследования «Мониторинг социального самочувствия» проекта «Евразийский монитор» (ОФ ЦСПИ «Стратегия»)

Таким образом, если взять результаты опросов по трем центральным государственным органам, то заметно, что именно в отношении законодательного органа у русских сложилось наиболее критичное отношение.

На какой базе происходит изменение/снижение оценок одобрения работы правительства и Парламента? В 2022 г. более половины опрошенных русских (54%) говорили о том, что они чувствуют заботу государства о таких людях, как они (по стране этот показатель составлял 54%), в 2025 г. доля подобных ответов сократилась до 40% (по стране – 47%), при том, что увеличилось число тех, кто не чувствует о себе заботу государства (52%; по стране 49%). Можно сказать, что в 2025 г. изменения в социальной ситуации коснулись всего населения, но русские респонденты отреагировали более болезненно.

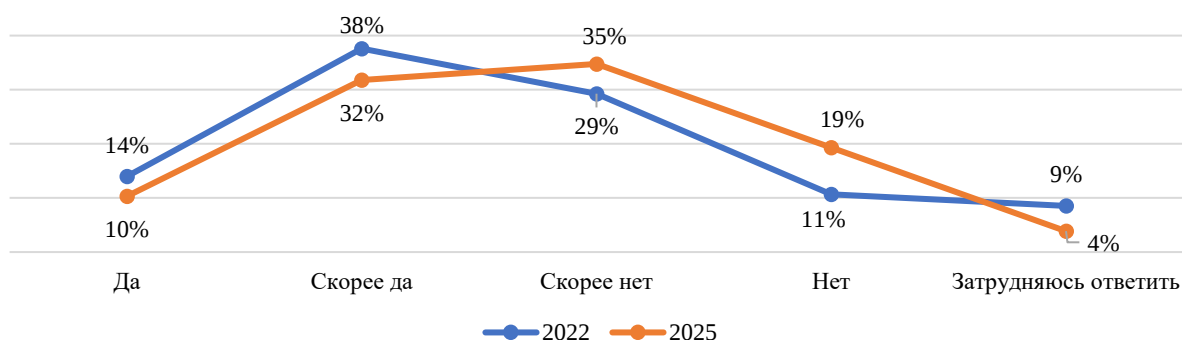

Рисунок 21. Чувствуете ли заботу государства о таких людях, как Вы? %, среди русских

Примечание – составлено авторами на основе собственных данных по проекту «Мониторинг общественно-политических настроений населения Казахстана» (ОФ ЦСПИ «Стратегия»)

Вместе с тем ответы на следующий вопрос показали наличие непонимания во всех этнических группах направленности развития страны. Так, если в 2022 г. 43% отмечали, что им понятна направленность развития государства (по стране этот показатель составил 46%), то в 2025 г. доля таких ответов снизилась до 37% (по стране – 42%). В 2025 г. более половины русских респондентов (55%) и половина опрошенных по стране (51%) ответили, что им непонятно, в каком направлении развивается государство. Таким образом сформирован запрос на более точное определение курса развития страны среди значительной доли казахстанцев, вне зависимости от этнической принадлежности.

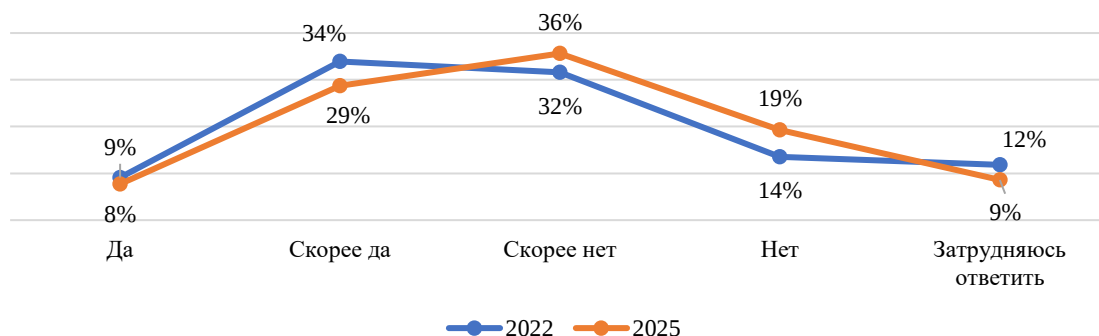

Рисунок 22. Вам понятно, в каком направлении развивается государство? %, среди русских

Примечание - составлено авторами на основе собственных данных по проекту «Мониторинг общественно-политических настроений населения Казахстана» (ОФ ЦСПИ «Стратегия»)

Считаем возможным предположить, что снижение у русских понимания и одобрения направленности развития государства может быть связано с оценкой его внешнеполитического курса. Очевидно, что взаимоотношения Казахстана с Россией является важным фактором формирования настроений у значительной части населения, и прежде всего, русских казахстанцев. Мониторинг ответов на вопрос о том, на какие страны или группы стран должен ориентироваться Казахстан в своей внешней политике показал, что треть русских (с провалом до 25% в 2018 г.) полагала и полагает, что Казахстан должен в качестве ориентира выбирать РФ и страны СНГ. В то же время, начиная с 2016 г., русские стали все меньше (с 41% до 16% в 2025 г.) поддерживать политику многовекторности, при том, что на уровне пятой части они поддерживают курс на сохранение приверженности Казахстана собственным государственным интересам.

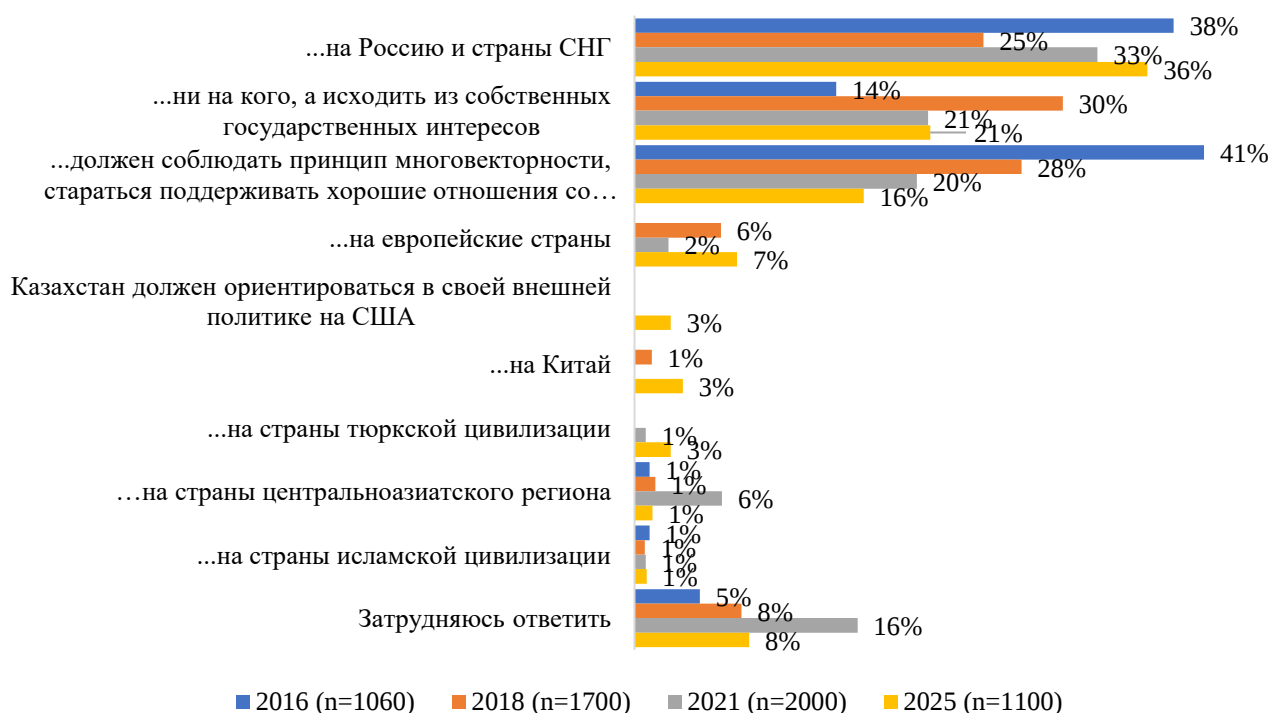

Рисунок 23. На какие страны или группы стран должен ориентироваться Казахстан в своей внешней политике? %, среди русских

Примечание – составлено авторами на основе собственных данных по проекту «Мониторинг общественно-политических настроений населения Казахстана» (ОФ ЦСПИ «Стратегия»)

Примечательно, что европейский и американский внешнеполитические векторы, впрочем, как и центральноазиатский, китайский, тюркский и, тем более, исламский, векторы, поддерживаются самым малым числом русских (1–7%). Если же проанализировать результаты ответов русских на вопрос об их отношении к отдельным странам, то можем увидеть, что в 2024 г. отношение к России и Китаю было значительно лучше (77% и 63% положительных ответов соответственно), чем к США, к которым 14% опрошенных русских относятся отрицательно, половина – нейтрально и только 32% выразили положительное отношение, т.е. видим сохранение «антиамериканизма» среди части русских.

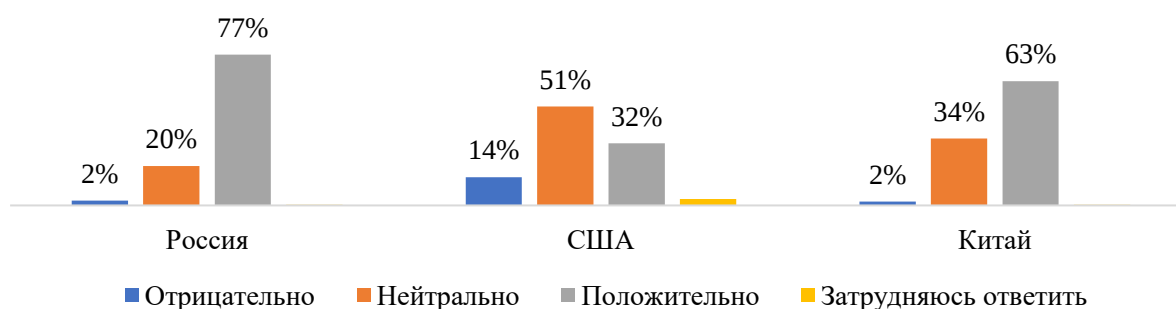

Рисунок 24. Как Вы в целом относитесь к следующим странам – положительно, отрицательно или нейтрально (безразлично)? %, среди русских, 2024

Примечание – составлено авторами на основе собственных данных (ОФ ЦСПИ «Стратегия»)

Возвращаясь к теме гражданского участия, обратим внимание, что среди русских, как и среди всего населения страны, в одинаковой мере наиболее эффективными методами влияния на власть признаются голосование на выборах, обращения в СМИ и в суды. На уровне пятой

части опрошенных во всех группах имеющими результат считаются обращения в вышестоящие инстанции, также есть совпадение взглядов русских и других граждан страны на эффективность таких инструментов влияния, как участие в общественных организациях, самостоятельные действия через свои личные связи и акты гражданского неповиновения. В то же время у русских несколько завышено представление об эффективности влияния таких инструментов влияния на власть, как политические партии, профсоюзы, а также участие в различных протестных акциях. Но, в целом, надо сказать, что русские рассматривают для себя использование всего набора конвенциональных и не всегда конвенциональных способов оказания давления на власть, что не отличает их от всех других граждан страны.

Рисунок 25. Какие инструменты влияния на власть вы считаете наиболее эффективными?
Сравнительные данные, 2024

Примечание – составлено авторами на основе собственных данных (ОФ ЦСПИ «Стратегия»)

Что касается такой конвенциональной формы, как участие в голосовании на парламентских выборах, то сравнительные данные показывают, что доля русских, которые планируют участие в выборах, никогда не была ниже 50%, что в целом соответствовало показателям по стране. Интересно и совпадение долей тех, кто не планировал идти на выборы и тех, кто затруднялся с ответом как среди русских, так и по стране, т.е. можно видеть формирование однородности в электоральном поведении граждан страны.

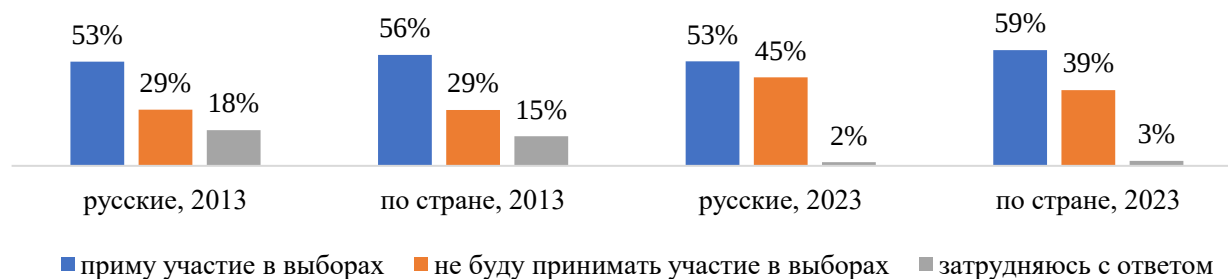

Рисунок 26. Потенциальное участие в голосовании на парламентских выборах.
Сравнительные данные

Примечание – составлено авторами на основе собственных данных по проекту «Мониторинг общественно-политических настроений населения Казахстана» (ОФ ЦСПИ «Стратегия»)

Результаты исследований и наблюдения указывают на то, что политическое поведение русских остается в фарватере сложившихся моделей общественно-политической активности казахстанцев, даже несмотря на то, что они обладают более критичным взглядом на ситуацию в стране и чаще других высказывают недовольство работой центральной власти. Русские хорошо представлены в общественном и гражданском секторах общества, состоят в профессиональных организациях и демонстрируют умеренную электорально-политическую активность. В то же время заметно, при сохраняющемся определенной устойчивостью мнении среди русских, что Казахстан должен исходить из собственных интересов (21%), во внешней политике они все-таки тяготеют к российскому и европейскому векторам.

Идентификация, самобытность, интеграция. В советской национальной политике проповедовался принцип «одна этнонация – одно государство», согласно этому принципу, «национальные» республики были соотнесены с определенной титульной нацией, т.е. народом, чей этноним входит в титул (название) соответствующего государственного или автономного образования (Савоскула, 2001), понимаемым как этнос. Это же представление распространялось и на русских как самой большей части советского народа. Л.М. Дробижева (2010) в своей статье отмечала, что термин «государственно-гражданская» или «национально-гражданская» идентичность, как отождествление себя «с гражданами страны, представление об этом сообществе, ответственность за него, понимание интересов, а также переживаемые в связи с этим чувства (гордость, обиды, разочарование или энтузиазм и готовность к рефлексии)» было достаточно новым для публичной сферы и научной литературы постсоветской России, где «исторически сложилось понимание нации в этнокультурном значении».

По этой же причине, по мнению С.С. Савоскула (2001), «ситуация вокруг русского (как и другого нетитульного) населения бывших союзных республик за пределами России» стала одной из наиболее актуальных этнических проблем, имеющих всеобъемлющий для постсоветского пространства характер. Он связывал эту проблему «с объективным радикальным противоречием между недавним статусом этой части русских, ясно осознающих свою принадлежность к народу, доминировавшему в бывшем СССР и по преимуществу отождествлявшему себя (в отличие от других народов страны) с единой союзной державой, и их нынешним положением этнического, зачастую дискриминируемого меньшинства в новых независимых государствах», поскольку «главной составляющей идеологии радикальной суверенизации и реальной политики по ее осуществлению практически во всех бывших союзных республиках, за исключением, пожалуй, России и Белоруссии, стал этнический национализм. Его суть состоит в идее создания «своей» этнической государственности, призванной защищать прежде всего интересы развития «своего» титульного этноса, его языка и культуры». Именно это обстоятельство предопределяло этнические различия в становлении новой гражданской идентичности на постсоветском пространстве вне России: у большинства титульного населения этот процесс проходит относительно благоприятно, для большинства же русского (и другого нетитульного) населения новых независимых стран был характерен идентификационный кризис. В то же время содержание и глубина идентификационного кризиса различались в каждом из постсоветских государств, поскольку определялись их этнонациональной и языковой политиками.

Как уже отмечалось ранее, в Казахстане потеря русскими доминирования во всех сферах жизни общества, требование владения казахским языком, расширение сфер его применения вызывало сложности адаптации русских к новым условиям. В то же время надо отметить и тот факт, что в республике за все постсоветские годы не было зафиксировано ни одного открытого противостояния между казахами и русскими, хотя нельзя отрицать, что в определенные моменты истории уровень межэтнической конфликтности возрастал (из наиболее известных – выступления уральских казаков в 1991 г.) («Уральские события 1991 г.», 2011). Вместе с тем результаты опросов показывают, что среди большинства русских до сих пор сохраняется существенный уровень тревожности, связанный с возможностью межэтнических конфликтов,

причем с 2010 г. показатель опасений сохраняется примерно на одном уровне и никогда не был ниже 50%.

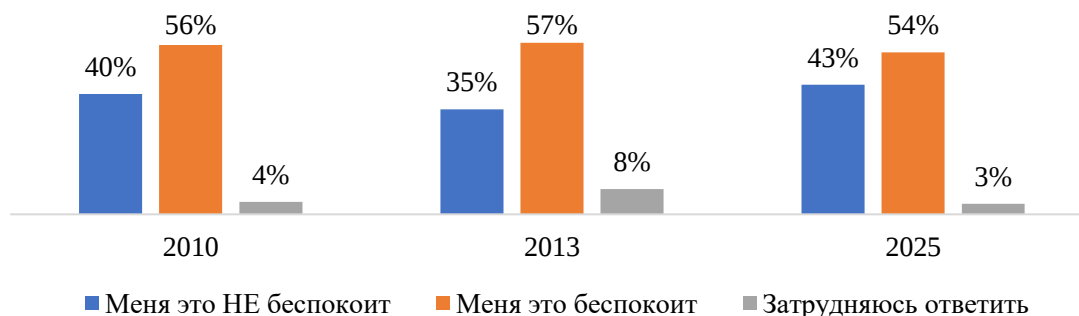

Рисунок 27. Обеспокоенность конфликтами на межэтнической почве, среди русских.

Примечание – составлено авторами на основе собственных данных по проекту «Мониторинг общественно-политических настроений населения Казахстана» (ОФ ЦСПИ «Стратегия»)

Обращает внимание и то, что в 2024 г. почти 60% русских чувствовали себя как полноценные граждане страны, но в то же время 40% опрошенных русских отмечали проблемы, включая наличие притеснений и ущемления их прав как граждан (6%), еще 2,3% указывали на оскорбление и унижение национального (этнического) достоинства.

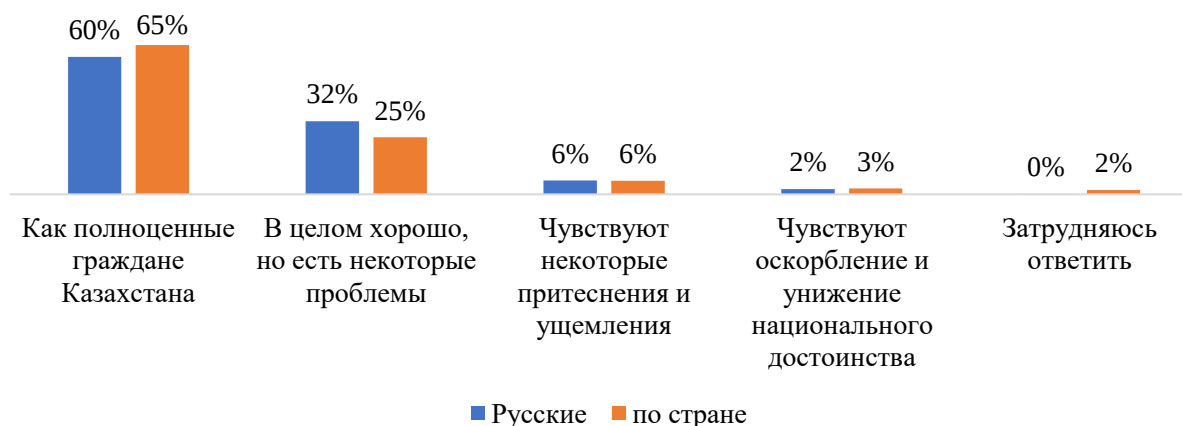

Рисунок 28. Как чувствуют себя сегодня люди вашей национальности в Казахстане?
Сравнительные данные

Примечание – составлено авторами на основе собственных данных (ОФ ЦСПИ «Стратегия», 2023)

Мониторинговый вопрос «Чаще всего к какой группе вы себя относите?» показывает, что с годами в среде русских снижалась важность практически всех идентификационных маркеров, включая гражданский (гражданин Казахстана), региональный (житель своей области), национальный (этнический). Вместе с тем имело место последовательное увеличение доли тех, кто соотносит себя со своим поколением, с людьми одного возраста. Таким образом, в 2022 г. в идентификационной матрице русских базовыми маркерами являлись поколение/возраст (55%), локальность (житель своего города/села) (54%) и гражданственность (51%). Ко второстепенным можно отнести такие маркеры, как этнос (39%), вера (38%), род занятий (37%), род (34%), достаток (33%), региональный признак (32%).

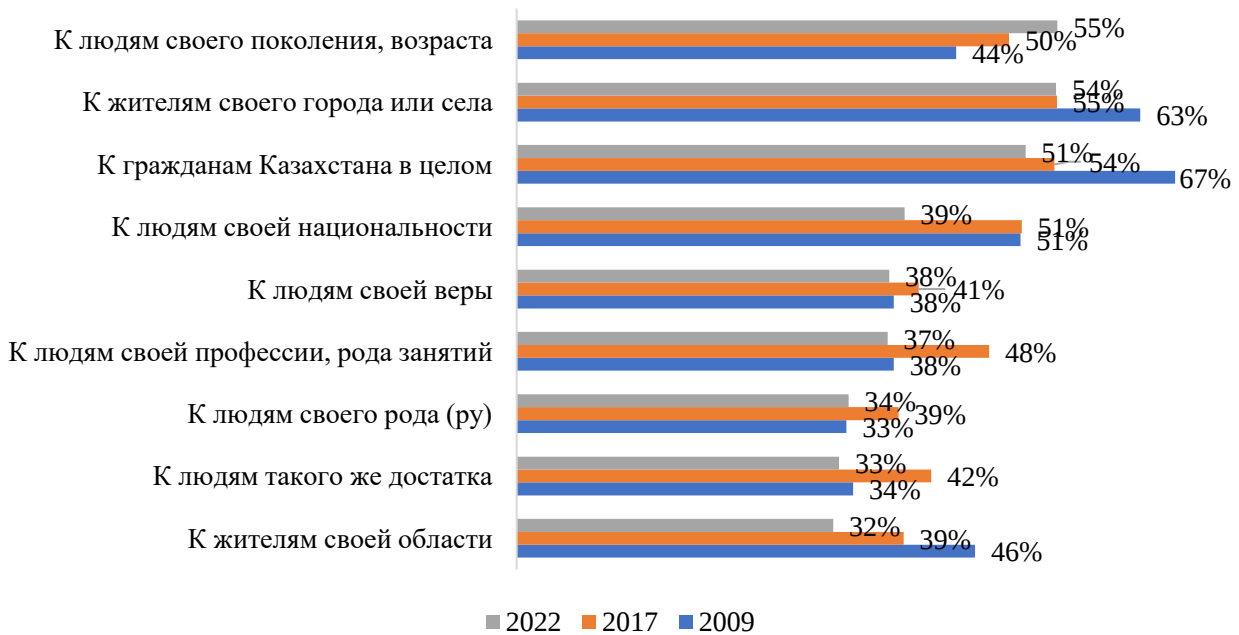

Рисунок 29. Чаще всего к какой группе вы себя относите? среди русских

Примечание – составлено авторами на основе собственных данных по проекту «Мониторинг общественно-политических настроений населения Казахстана» (ОФ ЦСПИ «Стратегия»)

В опросе 2025 г. (вопрос был задан в другой форме), 54% русских сказали, что в первую очередь считают себя гражданами Казахстана, 20% определили себя представителем своей национальности (этноса), еще 16% сказали, что считают себя в первую очередь жителем определенной территории (места жительства). Т.е. каким бы образом ни задавался вопрос, результат чаще всего сообщал о том, что не менее половины русских в Казахстане считают себя в первую очередь гражданами страны.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Согласно определению, гражданство является устойчивой правовой связью между индивидом и государством, которая выражается в наличии взаимных прав и обязанностей, определенным статусом, закрепляющимся за всеми индивидами, в такой связи находящимися. Закон о гражданстве полагает ответственность государства в лице своих государственных органов и должностных лиц перед гражданами республики, но и граждане ответственны перед республикой. Гражданин «обязан соблюдать Конституцию и законы Республики Казахстан, защищать интересы Республики Казахстан, ее территориальную целостность, уважительно относиться к обычаям, традициям, государственному языку и языкам всех национальностей, проживающих на ее территории, способствовать укреплению могущества, суверенитета и независимости Республики Казахстан» (Республика Казахстан, 1991). В свою очередь гражданственность можно определить как осознание себя гражданином своей страны и соответствующее этому поведение, готовность человека активно содействовать процветанию общества. Гражданственность также включает в себя патриотизм, любовь и преданность родине.

Очевидно, что выбор в анкете варианта ответа «считаю себя гражданином Казахстана» не обязательно может соответствовать внутреннему убеждению отвечающего. Вполне вероятно причиной выбора такого ответа является прагматизм, согласно которому «большинство русских в Казахстане не строят иллюзий по поводу своей возможной интеграции в России и предпочитают разыгрывать казахстанскую карту» (Ларуэль & Пейруз, 2007). Но каким бы ни было основание, почему люди идентифицируют себя в первую очередь

как граждане страны, то, как измерить реальный уровень гражданственности и патриотизма, как измерить любовь к родине, к Казахстану?

Все приводимые нами данные показывают, что в среде русских казахстанцев идут сложные нелинейные процессы адаптации и интеграции в единое общество. Можно привести мнение участника одной из фокус-групповых дискуссий (еще 2014 г.) в поддержку идеи формирования единой нации «казахстанцы», что должно позволить избежать этнической дискриминации и сделать аксиомой, что Казахстан – это одна родина для всех: *«Может, не разделять нас на русских и казахов, а как Америка прошла все в 18 веке, как они стали все – и черные, и белые – американцами. Я не против стать – если убрать графу «русский» – я не против стать казахстанцем»* (село, Алматинская обл.). В каких-то случаях уже можно говорить о значительном продвижении в сторону гомогенизации/повышения однородности казахстанского общества, понимаемой как унификация политических, правовых и организационных принципов, что способствует консолидации общества и здесь видим схожесть оценок вопросов социального развития, работы органов власти, особенности электорального поведения и гражданского участия. С другой стороны, у русских все еще остаются опасения в связи с дискриминацией по причине незнания казахского языка, а также страхи перед возможностью конфликтов на межетнической почве – все это оказывает влияние на уровень доверия, а также скорость и содержание интеграционных процессов в обществе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Арутюнян, Ю. В. (2003). Трансформация постсоветских наций: по материалам этносоциологических исследований. Москва. Наука. // Arutyunyan, Yu. V. (2003). Transformatsiya postsovetskikh natsiy: po materialam etnosotsiologicheskikh issledovaniy. Moskva. Nauka.
- Бюро национальной статистики. (2023). *Бюро национальной статистики опубликовало тематический сборник по Национальному составу населения по итогам переписи 2021 года.* <https://stat.gov.kz/ru/news/byuro-natsionalnoy-statistiki-opublikovalo-tematicheskii-sbornik-po-natsionalnomu-sostavu-naseleniya/>. // Byuro natsionalnoy statistiki. (2023). *Byuro natsionalnoy statistiki opublikovalo tematicheskii sbornik po natsionalnomu sostavu naseleniya po itogam perepisi 2021 goda.*
- Вандескрик, К. (2005). Демографический анализ. Москва. Гаудеамус. // Vandeskrik, K. (2005). Demograficheskiy analiz. Moskva: Gaudeamus.
- Диаспоры Казахстана: единство в многообразии. (2017). Сборник статей под ред. д.и.н., проф. Г. Н. Ким. Алматы. Казах университети. https://library-koresaram.com/f/kim_gn_red_diaspory_kazahstana_edinstvo_v_mногообразii_almaty_2018.pdf. // Diaspory Kazakhstan: edinstvo v mnogoobrazii. (2017). Sbornik statey pod red. d.i.n., prof. G. N. Kim. Almaty: Qazaq universiteti.
- Республика Казахстан. (2010). *Доктрина Национального единства Казахстана.* https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30501158. // Respublika Kazakhstan. (2010). *Doktrina Natsionalnogo edinstva Kazakhstana.*
- Дробижева, Л. М. (2010). Идентичность и этнические установки русских в своей и иноэтнической среде. *Социологические исследования*, 12(12). 49-58. // Drobizheva, L. M. (2010). Identichnost i etnicheskie ustanovki russkikh v svoey i inoetnicheskoy srede. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 12(12), 49–58.
- Республика Казахстан. (1997). *Закон РК «О языках в Республике Казахстан».* N151, 4ст. <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z970000151>. // Respublika Kazakhstan. (1997). *Zakon RK «O yazykakh v Respublike Kazakhstan».* N151, 4st.
- Республика Казахстан. (1995). *Конституция Республики Казахстан.* https://adilet.zan.kz/rus/docs/K950001000_#z0. // Respublika Kazakhstan. (1995). *Konstitutsiya Respubliki Kazakhstan.*
- Краснобаева, Н. (2024). Демографическое развитие русских Казахстана в начале XXI века. *Сборник статей VIII Международной научно-практической конференции «Россия, Сибирь*

- и Центральная Азия: взаимодействие народов и культур». Барнаул. ФГБОУ ВО «АлтПТУ». 197–201. // Krasnobaeva, N. (2024). Demograficheskoe razvitie russkikh Kazakhstana v nachale XXI veka. *Sbornik statey VIII Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii «Rossiya, Sibir i Tsentralnaya Aziya: vzaimodeystvie narodov i kultur»*. Barnaul. FGBOU VO «AltPTU». 197–201.
- Ларюэль, М., Пейруз, С. (2007). «Русский вопрос» в независимом Казахстане: история, политика, идентичность. Москва. Наталис. // Laryuel, M., & Peyruz, S. (2007). «Russkiy vopros» v nezavisimom Kazakhstane: istoriya, politika, identichnost. Moskva. Natalis.
- Лобанов, А. (2005). Русская диаспора в Казахстане. <https://russkie.org/articles/russkaya-diaspora-v-kazakhstane/>. // Lobanov, A. (2005). Russkaya diaspora v Kazakhstane.
- Морозова, Е. Р. (2019). Историко-географические условия формирования российской диаспоры в Республике Казахстан. *Постсоветские исследования*. Т.2. 3(8). DOI 10.24411/2618-7426-2019-00026. // Morozova, E. R. (2019). Istoriko-geograficheskie usloviya formirovaniya rossiyskoy diaspory v Respublike Kazakhstan. *Postsovetskie issledovaniya*, Т.2. 3(8). DOI 10.24411/2618-7426-2019-00026.
- Республика Казахстан. (1991). Закон РК «О гражданстве Республики Казахстан». <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z910004800>. // Respublika Kazakhstan. (1991). Zakon RK «O grazhdanstve Respubliki Kazakhstan».
- Республика Казахстан. (2022). Указ Президента РК «Об утверждении Концепции развития Ассамблеи народа Казахстана на 2022–2026 гг.». <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U2200001014>. // Respublika Kazakhstan. (2022). Ukaz Prezidenta RK «Ob utverzhdenii Kontseptsii razvitiya Assamblei naroda Kazakhstana na 2022–2026 gg.».
- Омарова, А. (2001). Есть ли русское движение в Казахстане? <https://zonakz.net/2001/02/20/est-li-russkoe-dvizhenie-v-kazaxstane/>. // Omarova, A. (2001). Est li russkoe dvizhenie v Kazakhstane?
- Официальный сайт Ассамблеи народа Казахстана. <https://assembly.kz/ru/struktury-ank/etnokulturnye-obedineniya/respublikanskije-eko/assotsiatsiya-russkikh-slavyanskikh-i-kazachikh-organizatsiy-kazakhstana/>. // Ofitsialnyy sayt Assamblei naroda Kazakhstana.
- Официальный сайт Института стран СНГ. <https://i-sng.ru/institut-stran-sng/>. // Ofitsialnyy sayt Instituta stran SNG.
- Итоги Национальной переписи населения 2021 года. (2023). *Национальный состав, вероисповедание и владение языками в Республике Казахстан*. <https://stat.gov.kz/ru/national/2021>. // Itogi Natsionalnoy perepisi naseleniya 2021 goda. (2023). *Natsionalnyy sostav, veroisповедание i vladenie yazykami v Respublike Kazakhstan*.
- Сунгоркин, В., Седов, А., Кияница, В. (2020). Президент Казахстана Касым-Жомарт Токаев: «В Казахстане нет понятия «национальное меньшинство». *Комсомольская правда*. <https://www.kp.ru/daily/27137/4228949/>. // Sungorkin, V., Sedov, A., Kiyanyitsa, V. (2020). Prezident Kazakhstana Kasym-Zhomart Tokaev: «V Kazakhstane net ponyatiya “natsionalnoe menshinstvo”». *Komsomolskaya pravda*.
- Русские в Казахстане – диаспора или единый казахстанский народ? (2007). *AsiaInform.Ru*. <https://asiaplus.news/2007/03/02/russkie-v-kazahstane-diaspora-ili-edinyj-kazahstanskij-narod/>. // Russkie v Kazakhstane – diaspora ili edinyy kazakhstanskiy narod? (2007). *AsiaInform.Ru*.
- Русские: этносоциологические исследования. (2011). Под ред. Ю. В. Арутюняна, Л. М. Дробизевой, Л. В. Остапенко и др. Москва. Наука. // Russkie: etnosotsiologicheskie issledovaniya. (2011). Pod red. Yu. V. Arutyunyana, L. M. Drobizhevoy, L. V. Ostapenko i dr. Moskva. Nauka.
- Савоскул, С.С. (2001). Русские нового зарубежья: Выбор судьбы. *Автореферат диссертации на соискание степени доктора исторических наук*. <https://www.dissercat.com/content/russkie-novogo-zarubezhya-vybor-sudby>. // Savoskul, S. S. (2001). Russkie novogo zarubezhya: vybor sudby. *Avtoreferat dissertatsii na soiskanie stepeni doktora istoricheskikh nauk*.

- Сагынбаева, А. (2023). О возрастном и брачном состоянии этнических групп в Казахстане по итогам Национальной переписи населения 2021 года. <https://iaer.kz/ru/item/264-o-voznrastnom-i-brachnom-sostoanii-etniceskih-grupp-v-kazakhstane-po-itogam-nacional-noj-perepisi-naselenia-2021-goda>. // Sagynbaeva, A. (2023). O voznrastnom i brachnom sostoyanii etniceskikh grupp v Kazakhstane po itogam Natsionalnoy perepisi naseleniya 2021 goda.
- Средний возраст казахстанцев – 32,3 года. (2024). *Официальный Telegram-канал БНС Qazstat*. https://t.me/stat_gov_kz_official/2697. // Sredniy vozrast kazakhstantsev – 32,3 goda. (2024). *Ofitsialnyy Telegram-kanal BNS Qazstat*.
- Суций, С.Я. (2019). Русские ближнего зарубежья: история, современность, перспективы. Гл.5. Русские в Казахстане. https://www.ssc-ras.ru/ckfinder/userfiles/files/227_263_Suschij-6.pdf. // Sushchiy, S. Ya. (2019). Russkie blizhnego zarubezhya: istoriya, sovremennost, perspektivy. Gl. 5. Russkie v Kazakhstane.
- Тайжан, М. (2011). Почему защита русского языка – патриотизм, а казахского – национализм? https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31077833&pos=4;-98#pos=4;-98. // Tayzhan, M. (2011). Pochemu zashchita russkogo yazyka – patriotizm, a kazakhskogo – natsionalizm?
- Тишков, В. А. (2007). Русский мир: смыслы и стратегии. <https://mdn.ru/articles/v-a-tishkov-russkij-mir-smysly-i-strategii>. // Tishkov, V. A. (2007). Russkiy mir: smysly i strategii. [https://mdn.ru/articles/v-a-tishkov-russkij-mir-smysly-i-strategii].
- Уалиева, С. К. (2020). Новые особенности в формировании этнической идентичности детей из межэтнических браков в Восточном Казахстане. *Вестник Каз НПУ имени Абая. Серия: Исторические и социально-политические науки*. Т.3. 66. <https://bulletin-histsocpolit.kaznpu.kz/index.php/ped/article/view/282>. // Ualieva, S. K. (2020). Novye osobennosti v formirovanii etnicheskoy identichnosti detey iz mezhetnicheskikh brakov v Vostochnom Kazakhstane. *Vestnik KazNPU imeni Abaya. Seriya: Istoricheskie i sotsialno-politicheskie nauki*. Т.3, 66.
- Республика Казахстан. (2001). Указ Президента Республики Казахстан «О Государственной программе функционирования и развития языков на 2001–2010 годы». <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U010000550>. // Respublika Kazakhstan. (2001). *Ukaz Prezidenta Respubliki Kazakhstan «O Gosudarstvennoy programme funktsionirovaniya i razvitiya yazykov na 2001–2010 gody»*.
- Уральские события 1991 года. В 3-х частях. 07-09.09.2011. https://rus.azattyq.org/a/uralskie_sobytia_1991_oral_okigasy_uralsk_events_kazakhstan_kazak_escaliev_makashov/24322127.html. // Uralskie sobytiya 1991 goda. V 3-kh chastyakh. 07–09.09.2011.
- Российская Федерация. (1999). Федеральный закон "О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом" от 24.05.1999 N 99-ФЗ (последняя редакция). https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_23178/. // Rossiiskaya Federaciya. (1999). *Federalnyy zakon "O gosudarstvennoy politike Rossiyskoy Federatsii v otnoshenii sootchestvennikov za rubezhom"* от 24.05.1999 N 99-FZ (poslednyaya redaktsiya).
- Фертильность русских в Казахстане. 14.02.2024. <https://denalt.livejournal.com/84302.html>. // Fertilnost' russkikh v Kazakhstane. 14.02.2024.
- Бюро национальной статистики. (2025a). Численность населения Республики Казахстан по отдельным этносам и возрастным группам (на начало 2025г.). <https://stat.gov.kz/ru/industries/social-statistics/demography/publications/281562/>. // Byuro natsionalnoy statistiki. (2025a). *Chislennost naseleniya Respubliki Kazakhstan po otdelnym etnosam i voznrastnym gruppam (na nachalo 2025 g.)*.
- Бюро национальной статистики. (2025b). Численность населения по отдельным этносам Республики Казахстан. Демографическая статистика. 18 серия. <https://stat.gov.kz/ru/publication/spreadsheets/?year=&name=18633&period=&industry=&type=> // Byuro natsionalnoy statistiki. (2025b). *Chislennost' naseleniya po otdelnym etnosam Respubliki Kazakhstan. Demograficheskaya statistika. 18 seriya*.

Этнографическая экспедиция в Казахстан и Киргизию. (2019). <https://rgo-etnomir.ru/analytics/875-obshchie-vyvody-predvaritelnogo-analiticheskogo-otchjota-o-realizatsii-2-go-polevogo-etapa-ekspeditsii-sovremennyy-etnomir-po-kazakhstanu-i-kirgizii>. // Etnograficheskaya ekspeditsiya v Kazakhstan i Kirgiziyu. (2019).

Сведения об авторах

Илеуова Гульмира Токшалыковна – кандидат социологических наук, президент Общественного фонда «Центр социальных и политических исследований «Стратегия», Алматы, Казахстан, e-mail: gulmira@ofstrategy.kz, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6349-4720>

Симакова Ольга Александровна – магистр социологии, координатор проектов Общественного фонда «Центр социальных и политических исследований «Стратегия», Алматы, Казахстан, e-mail: olga@ofstrategy.kz

Авторлар туралы мәліметтер

Илеуова Гульмира Токшалыковна – әлеуметтік ғылымдар кандидаты, «Стратегия» әлеуметтік және саяси зерттеулер орталығы» Қоғамдық Қоры президенті, Алматы қ., Қазақстан, e-mail: gulmira@ofstrategy.kz, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6349-4720>

Симакова Ольга Александровна – әлеуметтану магистрі, «Стратегия» әлеуметтік және саяси зерттеулер орталығы» Қоғамдық Қоры жобаларының үйлестірушісі, Алматы қ., Қазақстан, e-mail: olga@ofstrategy.kz

Information about the authors

Gulmira T. Ileuova– Candidate of Sociological Sciences, President, Public Foundation "Center for Social and Political Research "Strategia", Almaty, Kazakhstan, e-mail: gulmira@ofstrategy.kz, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6349-4720>

Olga A. Simakova – Master of Sociology, project manager, Public Foundation "Center for Social and Political Research "Strategia", Almaty, Kazakhstan, e-mail: olga@ofstrategy.kz